Чёрная вдова
с двумя детьми
желает познакомиться
Виноделья
Светлая
Надежда
Наталья Смеречинская

Наталья Смеречинская

Чёрная вдова с двумя детьми желает познакомиться!

https://litres.ru/74688564
SelfPub; 2026

Аннотация

Яся очнулась в новом мире в теле красивой женщины с непростой судьбой: два ребёнка, горы долгов и репутация "чёрной вдовы", трижды похоронившей мужей. Единственный шанс выжить — удачно выйти замуж.

Но кто рискнёт связаться с вдовой, за которой ходят мрачные слухи? Тайная магия рода может помочь, но требует жертвы. А значит, за счастье с достойным мужчиной Ясе придётся заплатить высокую цену.

Любовь или проклятие? Иногда от выбора зависит всё.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	13
Глава 3	20
Глава 4	31
Глава 5	38
Глава 6	47
Глава 7	55
Глава 8	65
Глава 9	73
Глава 10	84
Глава 11	92
Глава 12	101
Глава 13	109
Конец ознакомительного фрагмента.	117

Наталья Смеречинская
Чёрная вдова с двумя детьми желает познакомиться!

Глава 1

Такой судьбы я не ждала и не хотела, но... случилось то, что случилось.

— Мне очень жаль, Яся, — первое, что я услышала, придя в себя, было тихое и горестное заявление Аглаи Семёновны. Она смотрела на меня с глубоким состраданием, но её голос был строгим, врачебным, привыкшим к трагедиям. — Мы тебя, конечно, спасли, но матку пришлось удалить. Прости, девочка. Лучше так — без детей, но живая.

Слова женщины, которая двадцать один год назад принимала меня на этот свет, только усилили поток слёз. Боль, заполняющая меня, была почти физической. Я едва дышала, осознавая, что никогда больше не узнаю радости материнства. Это казалось не просто ударом — настоящей катастрофой.

Но было ещё что-то, что разрывалось внутри. Аслан. Как

он воспримет это? Как отреагирует? Мы живём вместе уже полтора года, ни разу не обсуждали детей, но я знала, что он мечтал о них. А его мама? Она то постоянно твердила о внуках.

Как теперь сказать им, что я лишена этой возможности? Конечно, я не просила эту миому и не моя вина, что эта опухоль выросла во мне, но...

Осознание собственной ущербности давило, как тяжёлый груз, который невозможно снять.

— Она твоя, Нина, — Аглая Семёновна похлопала мою маму по плечу, готовясь уйти. Её голос звучал сухо, но я знала — она переживала не меньше нашего. — У неё сейчас гормоны в хаосе, так что запасись терпением.

Медики, которые каждый день сталкиваются с подобными трагедиями, учатся прятать свои чувства за профессиональной бронёй. Но Аглае Семёновне было искренне жаль. Только изменить что-то она не могла.

— Спасибо, Аглая, — мама вытирала слёзы, хотя старалась держаться. — За всё.

— Зайди ко мне позже, — тихо ответила врач и поспешно покинула палату.

Мама села рядом на кровать, её руки были теплыми, как в детстве. Она обняла меня осторожно, стараясь не задеть швы.

— Доченька, — её голос дрожал, но в нём было столько любви, что я почувствовала, как что-то во мне начинает по-

тихоньку отпускать. — Всё образуется, милая. Мы справимся.

— Мама, — я всхлипнула, вжалась в её плечо. — Где Аслан?

Я почувствовала, как её руки чуть напряглись, но она тут же заставила себя расслабиться.

— Он поехал домой, милая, — сказала она как бы между прочим, стараясь придать голосу лёгкость. — За кое-какими вещами для тебя. Хочешь что-нибудь? Я позвоню, попрошу.

— Не надо, мама, — покачала я головой, зарываясь носом в её ладонь. Её руки всегда пахли так знакомо и успокаивающе, словно детство вернулось. — Я сама ему позвоню.

Мама на секунду замялась.

— Не стоит, Яся, — глухо проговорила она. — Отдыхай сейчас и набирайся сил. Поговоришь с Асланом, когда он приедет.

Я ничего не ответила. На душе было пусто и тяжело. Я продолжала плакать у мамы на руках, пока слёзы не иссякли, и, утомлённая рыданиями, провалилась в сон.

Просыпалась я несколько раз за ночь, но каждый раз, когда спрашивала медсестру об Аслане, слышала одно и то же: «Ваш муж не приходил». Её голос звучал обыденно, как будто в этом не было ничего удивительного, но для меня каждое её слово становилось иглой, впивающейся в сердце. Почему он не пришёл? Может, он занят? Может, не знает, что сказать?

На следующий день меня снова навестила мама. Она принесла обед, фрукты, тёплую шаль и новые слухи о наших знакомых. Рассказала, как тётя Оля обещала зайти, но опять поссорилась с мужем, и тот отказался её завезти на своей старенькой «Ладе». Как соседка, тётя Вера, упала вчера с лестницы и сломала руку. А Геля, подружка детства, что жила через дом, передаёт привет и желает мне скорейшего выздоровления.

Обыденные истории, которыми она старалась заполнить тишину и не говорить о главном. Я слушала, кивала, но не спрашивала об Аслане. Вообще не говорила ни о потере, ни о муже.

Приняла такое решение ещё ночью. Не хочу знать, особенно сейчас. Появится — хорошо, не появится — значит, так тому и быть.

Так прошла неделя. Врачи говорили, что состояние стабильное, и швы заживают хорошо. На выписке Аглая Семёновна коротко напутствовала меня:— Набирайся сил, Яся. Главное — не спеши и береги себя. Нина, она теперь на тебе, и постарайтесь без стрессов. Они влияют на гормоны, а тебе, Яся, теперь никак нельзя нервничать.

Я кивнула, а мама украдкой вздохнула за моей спиной. Чему быть, того не миновать.

Домой я возвращалась в угрюмо-безразличном настроении. Будто все эмоции кто-то выключил разом.

Но уже на пороге квартиры я почувствовала, что что-то

изменилось. Привычный уют исчез: всё выглядело непривычно пусто. Я сняла пальто, прошла в комнату и остановилась.

Его вещей не было!

Горькая усмешка и слёзы выступили одновременно. В горе и в радости?

Наш брак не выдержал даже первого серьёзного испытания болезнью.

На кровати, аккуратно положенная поверх покрывала, лежала записка.

Очень старомодно и так похоже на Аслана.

Сначала я замерла, не решаясь подойти, но через мгновение всё же взяла её в руки. Всего две строчки:

Прости меня. Ты сама всё понимаешь.

Я долго смотрела на эти слова, стараясь справиться с нахлынувшей волной эмоций. Они не были яркими, бурными — скорее тихими, упрямо навязчивыми, как стук капель по стеклу.

Да, милый, я все-все понимаю. Понимаю и даже смогу когда-то простить, но не сегодня.

— Что там, доченька? — осторожно спросила мама, стоя в дверях.

Я посмотрела на неё, улыбнулась как-то уставшей, но спокойной улыбкой и ответила:— Всё в порядке, мама. Всё хорошо.

Мама не стала задавать лишних вопросов, лишь с сожале-

нием и болью смотрела на меня.

Раскинув руки, я открыла объятия, и мама не раздумывая бросилась в них.

Никто меня так не поймёт, как она. Никто не будет меня так любить, как родная мать. И никто не будет мне настолько верным, как эта добрейшая женщина, которую я имею честь называть мамой.

Она знала, что мне нужно время, и она будет рядом всё это время, несмотря на то, буду ли я способна дать что-то взамен или нет. В любом случае мне повезло, у меня есть родной человек. Жаль только, что ту любовь, которой она наделяет меня, я никогда не смогу передать собственному комочку счастья.

******

С этого момента моя жизнь кардинально изменилась.

- Мама, я хочу уйти с " Козерога" - призналась я мама однажды вечером в желании покинуть работу - Я знаю, что это глупо, но я не могу сидеть над цифрами. Они будто душат меня.

Мама поджала губы. Конечно же ей это было неприятно слушать. Именно она помогла мне поступить на свой экономический и платила за учёбу. Потом нашла для меня стажировку в фирме " Козерог", что не была огромной, но обещала перспективы.

- Бухгалтера без куска хлеба не останутся - напутствовала

мама, когда я устраивалась туда младшим экономистом.

Копаться в бумажках было... терпимо. Особенно после того, как мы с Асланом начали жить вместе и сняли небольшую однушку недалеко от центра.

За взрослую жизнь и независимость нужно было платить иногда делая не то что хочешь.

Но сейчас.... Я вдруг поняла, что не хочу тратить жизнь на то, что угнетает. Поводов для грусти у меня и так хватало, поэтому я решила, что знаю чем, хочу заниматься.

- Мама, я хочу работать в садике - огорошила её, заявлением.

- Не сходи с ума, Яся,- впервые со времени операции мама мне возразила - Всё пройдёт, а упущенную возможность можно и не вернуть.

Но я упрямо покачала головой.

- Ты не понимаешь, мам, это не спонтанное решение. Не совсем спонтанное - поправила себя - Мне всегда нравилось возиться детьми, а сейчас....

Я запнулась и сглотнула тяжкий ком.

- Сейчас тем более. Поэтому, мамочка, милая, пойми. Не могу я жить как жила раньше. Угнетает меня все это, душит.

- Ох, Ясмин, — покачала головой мама - Ты бежишь, но не мне тебя осуждать. Пусть все получится, дочка.

Слезы набежали на глаза и я крепко обняла мать. Она у меня самая понимающая и самая лучшая.

Но одними словами все не закончилось.

Уже в понедельник мама огорошила меня новостью.

- Я договорилась с тетей Людой, Ясь. У нее сноха в садике заведующей работает и готова взять тебя нянечкой. Если ты конечно не передумала, дочь.

- Ты что, нет - отмерла я от шока и бросилась обнимать родительницу - Спасибо, мамочка.

- Ох - только и сказала мама, утерая набежавшую слезу.

Вот так и началась моя новая жизнь.

Правда в садик я вышла не сразу. Там малыши, а мне таскать тяжелого нельзя было, поэтому пришлось немного подождать.

За это время я написала заявления на увольнение в фирме и попрощалась с коллегами тортиком и чаем. Коллектив у нас был хороший и не их вина, что у меня случилось такое горе.

А после я вышла на работу в садик. Это был тяжелый труд, но именно он заставлял меня отвлечься от тяжелых дум и можно сказать за шкирку вытащил из депрессии.

- Ася я тебя лублу - пухлые ручки Маши обвивали мою шею пока я удобно устроилась на маленьком стуле в хорошо натопленной группе.

- Яся смотри какие рыбки - показывает мне листок бумаги с коряво выведенными фигурками, что очень отдаленно напоминают рыб Стас.

- Хочу к маме! - заливается Анечка и я бегу ее утешать.

Уже через месяц Елизавета Георгиевна, сноха тети Люды

и наша заведующая не могла мною нарадоваться.

- Не знаю каким ты была экономистом, Ясенька, но к детям у тебя дар - качала головой она любуясь как я лихо справляюсь с карапузами.

А я затихала, сглатывая слюну и стараясь не пролить набежавшие на глаза слезы. Знала бы она....

Да я все на свете отдала бы, если бы получила хоть один такой "дар" за которым присматриваю каждый день.

Но я старалась много об этом не думать, как впрочем не вспоминать Аслана. Я с каким то смирением приняла его решение вот так уйти из моей жизни и больше не возвращаться.

Болело ли мне? О, еще как болело. Не меньше чем потеря возможности стать матерью, но почему-то я считала не вправе себя его судить. Или где-то в глубине понимала. А может даже радовалась, что мы разошлись не построив чего-то серьёзного. Не знаю, копаться в себе было очень болезненно и я просто жила, ходила на работу, радовалась мелочам ,таким как чай с мамой после работы по вечерам.

Казалось моя жизнь пришла в некий грустный и тихий порядок, но... Так всего лишь казалось и то до поры до времени.

Глава 2

Первый раз это случилось через полтора года после того, как я кардинально поменяла свою жизнь.

Это был выходной, кажется суббота, мамы не было дома и я решила провести все утро в кровати. В последнее время странная слабость и некая апатия одолевали меня.

Я не знала что и думать. То кивала на гормоны, которые как ни странно были в порядке, то на обьвившегося ни с того, ни с сего Аслана, что засыпал меня сообщениями, хотя в его профиле давным-давно обосновалась другая девушка, что не скрывала круглый животик.

Она даже как-то писала мне, что беременна от моего бывшего и чтобы я не лезла в их семью.

Не говоря ни слова я заблокировала её и его, а потом прорыдала ночь, выйдя на работу с красными глазами.

Неделю ходила с потухшими глазами, а потом собрала силу воли в кулак и запретила себе думать.

Так что в то утро я была серьёзно настроена отдохнуть и провести чудесный день дома.

После завтрака лёгкая уборка и потом новый фильм, возможно комедия, а после....

Странный звук донесшийся из гостиной насторожил меня.

Я поставила кружку на стол и прислушался. Возможно

мне показалось?

Поначалу все указывало на то... В квартире было тихо, только часы с кукушкой, доставшиеся от бабушки буднично отбивали ритм. Но потом, когда я уже расслабилась, это повторилось снова.

Тихий шёпот, короткий и неожиданный звук, нарушил снова мой покой.

- Ясмин.

Я дернулась на стуле и чуть не упала вниз. Так это было неуместно и жутко.

- Кто здесь?!

Вопреки логике и страху, я поднялась и крадучись пробралась в гостиную. Но там вообще никого не было.

Я стояла в гостиной, замирая на месте. Тишина окружила меня, как плотное одеяло. Никаких следов постороннего. Только старые часы с кукушкой, неумолимо отсчитывающие секунды, и лёгкий сквозняк из окна. Ничего необычного.

— Мне показалось, — прошептала я, сама не веря своим словам.

Вернувшись на кухню, я заставила себя взять кружку в руки и сделать глоток. Горячий чай приятно согрел горло, но тревога продолжала грызть изнутри. Мне хотелось верить, что это был всего лишь случайный звук, игра воображения, но с того момента всё начало меняться.

Сначала это повторилось дома. Казалось, что в углу комнаты мелькнула тень, за спиной едва слышно звякнула чаш-

ка. И снова этот голос. Он был едва различим, как дуновение ветра, но не оставлял сомнений.

— Ясмин.

Каждый раз я замирала, вслушиваясь в тишину, но кроме моего собственного дыхания ничего не было. Я боялась рассказать маме. Как ей объяснить, что я слышу голоса? Скажи ей об этом — и меня точно отправят к врачу. А если это действительно нечто... ненормальное? Может, я схожу с ума? Или это снова пресловутые гормоны на которые можно все списать?

Но затем голос стал преследовать меня за пределами дома. Однажды, на работе, я услышала, как кто-то снова позвал меня по имени. Я спросила, но коллеги лишь удивлённо смотрели на меня. Никто не говорил, все были заняты своими делами.

— Ты в порядке? — спросила Наташа, наша нянечка, поднимая брови.

— Да, просто... задумалась, — неловко отмахнулась я, чувствуя, как кровь приливает к щекам.

То же происходило в транспорте, в магазине, даже в толпе на улице. Незнакомый шёпот звучал так, будто говорящий стоял прямо за моей спиной. Каждый раз я резко оборачивалась, но видела только обычных людей, каждый из которых был занят своими заботами.

Однако самые страшные моменты приходили ночью. Когда город засыпал, а тьма окутывала улицы, голос становил-

ся всё более настойчивым. Он больше не шептал — он произносил моё имя громче, требовательнее. Я просыпалась в холодном поту, глядя в темноту комнаты, чувствуя, как по спине пробегает дрожь.

— Ясмин... — тянул голос, словно манил меня куда-то.

Мне казалось, что стены сжимаются, что что-то наблюдает за мной из углов. Иногда я почти верила, что за шторой стоит кто-то чужой. Но всякий раз, когда включала свет, комната оказывалась пуста.

С каждым днём мне становилось всё тяжелее делать вид, что всё нормально. Даже на работе я не могла сосредоточиться, ловя на себе встревоженные взгляды коллег. Сон больше не приносил покоя, а нарастающая тревога заполняла всё моё сознание.

Но я не решалась обратиться за помощью. Что я могла сказать? Что слышу голос, зовущий меня по имени? Врачи бы списали это на стресс, гормональный сбой, посттравматическое расстройство. А если они правы? А если я действительно теряю рассудок?

И всё же где-то в глубине души я знала: это не просто игра моего разума. Этот голос был настоящим. И он чего-то хотел.

В тот самый день я решила, что с меня хватит. Придя уставшая с работы я поняла, что начала свыкаться с этим состоянием и это был самый тревожный звоночек.

- Я все расскажу сегодня маме. - сказала сама себе в слух и кивнула.

Но мама возвращалась только поздно к вечеру и приготовив ужин я решила пока принять ванную.

Расслабить хоть немного мышцы и подумать, как я буду все объяснять, чтобы не пугать родительницу.

Наполняя ванну я размышляла, наблюдая, как горячая вода струится в белую эмаль, поднимая лёгкий пар. Тело ныло от усталости, и я надеялась хотя бы ненадолго расслабиться. Всё это — голоса, странные звуки, мой страх — словно тянуло меня в пропасть. Но сегодня я сделаю первый шаг к нормальной жизни. Все, хватит, сама я с этим не справлюсь.

Кивнув своему настрою я проверила воду рукой, убавила горячую и опустилась в ванну. Тепло обволокло меня, и я выдохнула, откидываясь назад. Как же хорошо! Нужно почаще так расслабляться.

Я провела руками по лицу, намочила волосы, закрыла глаза, пытаясь хотя бы на мгновение перестать думать. Но тишина была недолгой.

— Ясмин...

Голос прозвучал тихо, но отчётливо. В этот раз он будто пришёл откуда-то из самой воды. Я замерла, сердце забилось так быстро, что казалось, сейчас вырвется из груди.

Я резко распахнула глаза и огляделась. В ванной комнате никого не было. Только пар, медленно оседающий на зеркале, и звук капающей воды.

— Нет! — выдохнула я, прикрыв лицо руками. — Умоляю, оставь меня в покое!

Мои слова прозвучали так жалобно, что я сама себя испугалась. Но не успела я даже закончить мысль, как что-то схватило меня за ноги и резко потянуло вниз.

Я вскрикнула, но звук утонул в воде. В одно мгновение меня утащило с головой. Глаза инстинктивно открылись, но вокруг не было ванной. Вместо этого я оказалась в какой-то тёмной воде, глубокой и пугающей. Как такое может быть?! Нет, это бред! Я окончательно поехала крышей!

Но все вокруг было настолько реальным, что невозможно было в это не поверить.

Я пыталась грести, карабкаться вверх, но не могла найти опоры. Что-то тянуло меня вниз, а лёгкие уже горели от недостатка воздуха.

Вдруг я заметила слабый свет. Где-то далеко внизу. Сначала я подумала, что это иллюзия, но свет становился всё ярче. Он приближался.

Я перестала бороться и замерла, напряжённо вглядываясь в него. Это было... что-то. Нет, кто-то. Постепенно свет превратился в очертания фигуры.

Это была девушка. Бледная, с длинными медовыми волосами, развевающимися в воде, словно шёлковые ленты. Она была в белом платье, которое двигалось так плавно, будто жило своей жизнью. Её глаза — большие, глубокие — встретились с моими. В этот момент я почувствовала, как внутри что-то сжалось от страха и узнавания одновременно. Это ОНА! Она меня звала!

Не знаю каким образом я это поняла, поняла и все, но хоть убейте я ее узнала. Эта красавица меня позвала к себе.

Она молчала. Не было ни звука, ни намёка на то, что она собиралась что-то сказать. Она просто смотрела, изучая меня. А затем, внезапно, она начала подниматься вверх, двигаясь так легко, как будто вода была её домом.

Я попыталась последовать за ней, но в этот момент что-то дёрнуло меня вниз с такой силой, что я едва не выронила остатки воздуха. Меня тащило в темноту. Я снова начала бороться, пыталась грести, вырываться, но всё было бесполезно.

Моё тело сдавливало тьмой. Последнее, что я увидела, — это как девушка в белом исчезает в свете над головой, а меня поглощает бесконечная глубина.

Глава 3

— Мама, вы в порядке? — слова, которые я не могла слышать, никак не могла, звучали над моей головой. Голос был детским, но странно серьёзным. — Мама, прошу вас, ответьте.

Я медленно открыла глаза, всё ещё чувствуя, как сердце сжимает тревога, словно я упала куда-то в пустоту. Первое, что я увидела, — это лицо мальчика, белокурого, с чёлкой, аккуратно уложенной набок. Он смотрел на меня с таким серьёзным и обеспокоенным выражением, что я сначала подумала, что это какой-то сон.

Мальчику было лет восемь, не больше. Но больше всего меня поразило его странное одеяние: старомодная белая рубашка с воротничком, короткие брюки, застёгнутые на подтяжки, и носочки до колен. Всё это выглядело так, словно он сошёл с чёрно-белой фотографии из прабабушкиного альбома.

Я моргнула, пытаясь прогнать это странное видение. Но он не исчез. Он продолжал смотреть на меня, а я на него.

— Этого не может быть, — пробормотала я, начиная подниматься. Но в этот момент меня оглушил пронзительный девчачий визг:

— Это не мама! — высокий тонкий голос раздался из дверного проёма.

Я повернула голову, и там, в проёме, стояла девочка лет шести. Она была так же белокура, как и мальчик, и выглядела так идеально, словно её только что достали из витрины антикварного магазина. Её платье было пышным, светлым, с кружевами, а кудряшки так аккуратно уложены, что напоминали фарфоровую куклу. Но лицо девочки исказила гримаса ужаса, и в следующее мгновение она залилась слезами и выбежала из комнаты, закрыв лицо маленькими ладошками.

Мальчик нахмурился, наблюдая за сестрой (сходство детей было очевидным), а потом повернулся ко мне. Его выражение лица изменилось, стало каким-то взрослым, слишком серьёзным для ребёнка.

— Мадам, прошу вас, никуда не уходите, — сказал он чётко, словно обращался к королеве. — Я успокою сестру и вернусь, чтобы поговорить.

Не дожидаясь моего ответа, он поклонился едва заметно, развернулся и быстрыми шагами вышел из комнаты.

Я осталась одна, неподвижная, не зная, что делать. Моё дыхание было сбивчивым, а руки дрожали. Я повернула голову к двери, но никто не возвращался.

— Это… что это за бред? — прошептала я себе под нос, чувствуя, как холод пробирается по коже.

Теперь у меня начались галлюцинации? Но нет, всё было очень реалистичным: и холод, что пробирал до косточек, и странное платье, что сжимало меня, как клещи, не давая вздохнуть.

— Матерь Божья! Это что, корсет?! — сама не веря в то, что говорю, я расправила складки пышной юбки и постучала пальцем по... Стоп! А палец был не мой!

Я, в общем-то, была девушкой миловидной, но вот с руками мне не повезло. Короткие пальцы с широкими приплюснутыми ногтями подошли бы больше какому-то мальчику, но никак не девушке моего возраста.

Так вот, эти пальцы никак не могли принадлежать мне! Длинные, тонкие, с милыми розовыми ногтями вытянутой формы. Это были пальцы пианистки, актрисы, аристократки, но никак не нянечки в детском саду, что уже знает, что такое тяжкий труд.

Я поднялась на ноги, чувствуя тяжесть юбок, которые шуршали вокруг меня, словно тканевые волны. Ступни скользнули по деревянному полу, обутые в неудобные туфельки. Я сделала шаг, и мне показалось, что я несу на себе целую мебельную фабрику.

— Это сон, — уверенно сказала я, но голос прозвучал слабее, чем хотелось бы. — Просто сон. Сейчас я проснусь...

Но ничего не изменилось. Мои слова утонули в тишине. Даже ощущение ткани на коже, холодок, бегущий по спине — всё это было слишком реальным. Я дотронулась до лица. Черты тоже казались не такими, как раньше. Что-то определённо изменилось.

Внезапно дверь скрипнула. Я вздрогнула и обернулась.

В проёме двери снова появился тот самый мальчик, бе-

локурый, с серьёзным выражением лица, которое казалось совсем не детским. Он смотрел на меня с осторожностью, словно боялся сделать что-то не так.

— Мадам, прошу вас, присядьте, — сказал он с неожиданной вежливостью и лёгким поклоном. — Вы наверняка дезориентированы и плохо себя чувствуете.

Я стояла, ошарашенная его тоном, его словами. В голове всё смешалось, но ноги сами собой подчинились его просьбе. Я опустилась на край тахты, на которой до этого покоилось моё бессознательное тело. Или не моё, — подумала я, скосив глаза на тонкие пальцы.

Мальчик подошёл ближе, в его руках была стеклянная кружка, наполненная водой. Откуда она взялась, я не знала, но отчего-то вода в ней выглядела особенно прозрачной, почти искрящейся.

— Выпейте, пожалуйста, — он протянул мне кружку. — Вам станет лучше.

Я колебалась. Почему-то в этой ситуации всё выглядело настолько неправдоподобно, что мне хотелось отбросить её как глупую шутку. Но жажда дала о себе знать. Я осторожно взяла кружку, чувствуя, как мальчик внимательно следит за каждым моим движением.

Вода была прохладной и свежей. Она обожгла горло ледяным прикосновением, но принесла приятное ощущение облегчения. Я сделала пару глотков, потом ещё, чувствуя, как возвращается что-то похожее на рассудок.

— Спасибо... — пробормотала я, всё ещё не сводя с него глаз.

Мальчик слегка улыбнулся и сложил руки за спиной. Этот жест был настолько взрослым, что мне стало не по себе.

— Как вы себя чувствуете, мадам? — спросил он мягко.

— Как я... — начала я, но замолчала. На самом деле я не знала, как ответить.

Я не знала, где я. Не знала, что происходит. Но больше всего меня беспокоило то, что я не понимала, кто я сама. Всё вокруг — платье, комната, этот мальчик — кричало о том, что я попала в дурной сон.

— Прости... — я покачала головой. — Как тебя зовут?

Мальчик удивился, его глаза расширились. На секунду он выглядел растерянным, словно не ожидал услышать такой вопрос.

— Меня зовут Теренс, мадам, — ответил он, чуть склонив голову. — Но... разве вы не знаете?

Я сглотнула, чувствуя, как ледяной ком страха поднимается в груди.

— Нет... я... я не знаю, кто ты. И... — я замерла, с трудом подбирая слова, — где я, чёрт возьми?!

Взорвалась, а потом тут же захлопнула рот ладонью. Ясмин!!! С каких пор ты начала ругаться при детях?

Мальчик смотрел на меня в полном изумлении. Его лицо стало ещё более серьёзным, но он ничего не сказал, лишь подошёл чуть ближе и протянул руку, будто решаясь прикос-

нуться к моей, но потом отдёрнул её и произнёс:

— Ваше имя — Элианора, — сказал он спокойно, но в его голосе звучала тревога. — Вы моя мама. Вернее, были ей. Сейчас я не знаю, где её душа. А вместо неё — вы.

Мир вокруг меня, казалось, сжался до маленькой точки. Мама? Душа? Как это возможно?

— Ох, мадам, ещё воды?

Видно, Теренс заметил, что я побледнела. Мне и правда стало плохо. Я знала, что схожу с ума, но не до такой же степени!

— Это бред! — пробормотала я, откидываясь назад и чувствуя, как мягкая тафта платья скользит под моим телом. — Полнейший бред!

Я закрыла глаза, надеясь, что это всё исчезнет, как плохой сон.

— Мне жаль, — тихо сказал мальчик, его голос звучал почти извиняющимся. — Я понимаю, что для вас это шок.

Он замолчал, и в этой тишине я отчётливо услышала, как кто-то шмыгнул носом. Наверное, девочка. Где-то за дверью она явно продолжала рыдать, и звук пробирался ко мне, заставляя почувствовать странное сожаление.

— Но... маман больше нет, — сказал он наконец, будто бы с трудом подбирая слова. — А вы... вы теперь в её теле. И её память должна была перейти вам.

Я открыла глаза, резко подалась вперёд, встретив его взгляд. Всё это звучало абсурдно, нереально, но в его словах,

как ни странно, не было ни капли сомнения.

— Что значит "в её теле"? — спросила я, чувствуя, как в горле пересохло.

Мальчик отвёл взгляд, словно собирался с мыслями.

— Маман... — он произнёс это слово осторожно, будто боялся, что я могу перебить. — Она пыталась провести ритуал. Я не знаю точно, что за ритуал, потому что... это секрет. Только женщины нашего рода имеют к нему доступ. Мадлен знает больше, но вряд ли будет с вами говорить сейчас. Она очень любила маман...

Мальчику было явно больно и очень тяжело это говорить. Похоже, он тоже безумно любил мать, но ради сестры пытается быть мужчиной. Которым совсем не является. Боже, дети не должны такого испытывать! Да и я тоже!

Я слушала, обдумывая каждое его слово, и просто... Как подобрать слова, чтобы не заругаться?! Ритуал? Правда?!

Только для женщин рода? Всё это звучало как странная смесь старинных преданий и сказок, но если хоть на секундочку представить, что я не в коме и не утонула в ванной, а это всё — реальность, то в глубине души я понимала: у такого рискованного действия должны быть веские причины. Просто так никто бы не стал этим заниматься.

— Почему? — тихо спросила я, ощущая, как сердце стучит быстрее.

Мальчик коротко кивнул, словно собрался с мыслями и ожидал этого вопроса.

— Причины есть, мадам, — подтвердил он. — Очень важные. Но...

Он не успел договорить. Резкий, настойчивый стук раздался у входной двери. Звук эхом разнёсся по всему дому, заставляя стены отозваться глухим дрожанием.

Мальчик вздрогнул, сжал руки в кулаки и сглотнул.

— Это они, — сказал он испуганно, его голос дрожал, но он старался держаться.

— Кто они? — я попыталась подняться, но юбки снова мешали мне, тянули назад, словно не желая отпускать.

Мальчик бросил взгляд в сторону двери, потом на меня. Его лицо стало более решительным, хотя тревога всё ещё читалась в глазах.

— Я попробую решить всё сам, — сказал он. — А потом мы продолжим разговор, мадам.

И прежде чем я смогла что-либо возразить, он развернулся и быстрым шагом направился к входной двери, оставив меня в тишине гнетущей комнаты.

Я сидела, замерев, прислушиваясь к доносящимся издалека звукам. У двери, похоже, начался разговор. Голоса были приглушёнными, и разобрать слова не удавалось, но интонации говорили сами за себя. Мальчик явно о чём-то просил — жалобно, почти умоляюще. Его голос дрожал, но в нём слышалась какая-то упрямая нотка, словно он отчаянно пытался добиться своего.

Ответ я не слышала, но по внезапной тишине стало яс-

но, что он был далёк от желаемого. Сердце сжалось. Бедный мальчик. Он и так держится из последних сил, пытается быть взрослым ради сестры, а теперь ещё и этот груз на его плечах.

— Это не дело, — пробормотала я себе под нос, осознавая, что меня охватывает раздражение. — Бред это всё или нет, но я не могу сидеть здесь, сложа руки.

Подняться оказалось не так просто. Громоздкие юбки продолжали цепляться за всё вокруг, а корсет душил, мешая сделать глубокий вдох. Но я поднималась, хотя и злилась всё больше: на платье, на ситуацию, на этот нелепый мир, в который меня занесло.

— Взрослая я или кто? — буркнула я, будто споря сама с собой.

Сделав несколько осторожных шагов, я вышла из комнаты. Тёмный коридор встретил меня гнетущей тишиной. Шаги мальчика и его голос стихли где-то впереди, у входной двери. Я остановилась, оглядываясь, и вдруг краем глаза заметила движение.

В другой конец коридора быстро скользнула маленькая фигура. Светлый край платья мелькнул и исчез за углом.

— Ага, подслушивала, — пробормотала я, покачав головой и невольно улыбнувшись.

Это, наверное, девочка. Мадлен. Я могла бы поклясться, что она подслушивала разговор у двери, но, увидев меня, поспешила скрыться. Не захотела сталкиваться с "пришелицей".

— Да и пусть, — вздохнула я, пытаясь успокоиться. Сейчас не до неё.

Я двинулась дальше, по направлению к голосу мальчика. В глубине души всё ещё тлела мысль о том, что это может быть сон, но я решила держаться за единственное, что казалось реальным: дети. Как бы глупо это ни звучало, я не могу позволить себе выставить ребёнка вперёд, чтобы самой остаться в стороне.

Подойдя ближе к двери, я услышала его голос. Он уже не умолял, но в нём всё ещё звучало напряжение, как у человека, который надеется до последнего. Его слова оставались неразборчивыми, словно их отрезала невидимая стена.

— Эй! — позвала я негромко, не желая сразу выскакивать, чтобы не напугать его. — Что тут происходит?

Мальчик обернулся. Его лицо было бледным, но он старался сохранить спокойствие.

— Мадам, — начал он, но я остановила его жестом.

— Давай без "мадам", — тихо сказала я, подходя ближе. — Просто скажи, кто там и чего они хотят.

Он взглянул на меня с сомнением, но, видимо, решил, что сопротивляться бесполезно.

— Это местные сборщики... долгов, — ответил он, сглотнув. — Они ушли, но вскоре вернутся. Маман...

Он осёкся, не желая вешать всё на родительницу, а после продолжил:

— Мы наделали много долгов, а наследство, оставшееся

от отца Мадлен, уже закончилось. Нам пришлось съехать с дома и поселиться здесь, а теперь...

Теренс махнул рукой в сторону двери.

Ну что же, кажется, мне всё ясно. Мать этих детей, как её там, явно не думала ни о ком, кроме себя. Сначала промотать наследство мужа, а потом ринуться в такую дикую аферу, что закончилась не самым лучшим образом, оставив этих малюток в ужасном положении.

В моей груди проснулось что-то наподобие возмущения и жалости. Тут не имеешь никакой надежды завести такое вот маленькое чудо, а эта вертихвостка...

Подавив в себе желание в который раз выругаться, я тряхнула головой, будто прогоняя всякие ненужные мысли, и обратилась к мальчику:

— Теренс, пойдём в комнату, и ты мне всё расскажешь, а после мы вместе придумаем, как можно помочь вам с сестрой.

Глава 4

Огарок осветил сонные личика детей, поглаживая их своим слабым светом. Я подняла свечу повыше и ещё раз с умилением взглянула на двух ангелов, что теперь перешли под мой патронаж. Мадлен спала, прижавшись к брату и засунув большой палец правой руки в рот. Теренс же, в свою очередь, обнимал девочку, стараясь защитить её даже во сне. Но сейчас лоб его разгладился, тревожное выражение исчезло, и было как никогда видно, что перед вами маленький ребёнок.

Я поправила второе одеяло, которое принесла в их комнату, чтобы пожертвовать малышам, и, снова бросив умильный взгляд на детские мордашки, вернулась к себе.

Да, сегодня сна мне не видать. Нужно было разобраться в том бардаке, что оставила мне в наследство не самая лучшая мамаша в мире и уж тем более жена — Леонора Абигел Кларенс.

Эта женщина... Нет слов. Конченая эгоистка из семьи среднего достатка, где всем заправляли женщины.

Сначала бабушка, а потом мать. Теренс, конечно, мне такого не рассказал, но выводы я свои сделала. А ещё... Очень-очень помог дневник волшебницы-недоучки, что мне удалось разыскать не без помощи мальчика.

— Я его не смогу увидеть, — сказал мне малыш, с надеждой глядя на меня. — Но, возможно, вам удастся. Ведь вы

же в теле мамы. Можно было ещё попросить Мадлен, но она вряд ли захочет.

Это правда. Девочка не появлялась, но у меня пока забот и без неё хватало.

То, что рассказывал Теренс, шокировало меня и удивляло одновременно. Будто сбывшаяся сказка в суровых реалиях действительности.

Этот мир чем-то напоминал наш, в конце позапрошлого века. Корсеты, повозки, этикет и самое главное — магия.

Настоящая, непритворная магия! (Гендельфа мне в печень. Или как там принято выражаться в таких обстоятельствах?).

Так вот...

Магия в этом мире была не просто реальностью, а строго регламентированной частью жизни. Никто не мог просто так взять и начать творить заклинания, махать руками или что-то там ещё. Сначала ты должен был пройти обучение, затем дать торжественную клятву не навредить (наподобие нашей клятвы Гиппократа, но тут с магическими последствиями), и только после этого — получить лицензию. Эта бумажка, как объяснил мне Теренс, давала тебе право на использование магии в рамках закона. Впрочем, нарушение правил каралось строго. Очень строго.

Но Элеонора... Ах, эта женщина! Её и всю её родню эти правила обходили стороной. Они не были "обычными" магами. Женщины их рода из поколения в поколение скрывали

свои способности, и теперь мне стало ясно, почему.

— Их дар изначально был враждебен людям, — сказал мне Теренс, ссутулившись в кресле и нервно играя пальцами. — Если бы о нём узнали, их бы уничтожили. Не стали бы помогать, обучать или лицензировать.

Я тяжело вздохнула. Хогвартса мне не видать, но не очень-то и хотелось.

А если серьёзно, то ситуация была из ряда вон паршивая.

Даже помимо смертоносного дара, о назначении которого Теренс был не в курсе. Ведь все подробности хранились под строгим секретом, и мальчик лишь знал о её существовании и то, что мама каким-то способом использовала его на своих мужьях.

Коих у неё было много для возраста двадцать семь лет. Три мужа, проживших с новобрачной вкупе три года, это не шутки.

Элеонора, похоже, была женщиной, которая жила по своим правилам, или, вернее сказать, по их полному отсутствию.

Первый муж — богатый старик, избранный по расчёту её матерью. Старик умер, как считали, естественной смертью всего через несколько месяцев после брака. Но если верить Теренсу, мужчине была уготована роль жертвенного агнца. Именно его смерть каким-то образом «раскрыла» дар Элеоноры. Вот только дар оказался далеко не благом.

Вторым был отец Теренса. Тоже состоятельный мужчина,

у которого, как говорили, было много, очень много денег. Но не настолько, чтобы прожить долгую и счастливую жизнь.

Брак продлился чуть больше года, пока мужчина тоже не скончался от загадочной болезни. Этот случай породил слухи, и шёпот о проклятии, будто бы преследующем Элеонору, впервые начал расходиться по округе.

Последним стал отец Мадлен. Красавец, весельчак, но абсолютный бедняк и мот. Он не мог предложить Элеоноре ничего, кроме своего обаяния, но, как оказалось, это было именно то, что нужно. Или, по крайней мере, так ей казалось. Год они жили вместе, швыряя на ветер деньги, оставшиеся от предыдущих мужей, а потом и он умер. Шептались, что его смерть была чем-то сродни безумной привязанности: как будто он был настолько очарован Элеонорой, что это его и погубило.

После смерти третьего мужа Элеонора стала настоящей легендой. Шлейф слухов и сплетен, которые её преследовали, стал длиннее, чем когда-либо. Её безапелляционно нарекли чёрной вдовой. Одни говорили, что она проклята, другие — что сама приносит несчастья. Но дамочке, в теле которой я оказалась, похоже, было всё равно. Она продолжала жить, не обращая внимания на шепотки за спиной.

Её привычка транжирить всё до последней монеты только усиливала репутацию. Поместье, которое досталось ей от второго мужа, было отобрано за долги. Но даже это не заставило её остановиться. Деньги таяли, как снег весной. Один

кредитор сменял другого. Но когда деньги закончились совсем, когда продавать стало нечего, Элеонора решилась на последний отчаянный шаг.

Она использовала магию. Что было очень опасно, по словам мальчика.

— Но почему? — вырвалось у меня, когда Теренс рассказал мне эту часть истории. Я смотрела на него, чувствуя, как в голове всё спутывается. — Почему она пошла на это, зная, что её дар... может навредить и ей?

Мальчик пожал плечами, его глаза потемнели от тени воспоминаний.

— Не знаю точно, — признался он. — Она никогда не говорила о своих планах. Но я знаю одно: Маман была готова на всё, чтобы что-то изменить. Она терпеть не могла этот дом и то, что ей приходится заботиться обо всём самой. Мама пробовала ещё раз выйти замуж, но без магии это оказалось невозможным. Мужчины бегут от неё, как от чумы. Бежали.

Поправил он, и глаза его стали совсем влажными.

— Знаешь что, котёнок, — сообщила я, понимая, что не имею права больше мучить ребёнка.

Теренс только что потерял мать, и хоть и держится молодцом, но видно, что ему очень больно. И почему такой отъявленной эгоистке и стерве, как Элеонора, достался такой удивительный, добрый и ответственный малыш?

Где справедливость, спрашивается?

— Котёнок? — удивился мальчик, и от этого даже слёзы

немного высохли в его глазах.

— Да, — твёрдо ответила я. — Ты похож на милого и серьёзного котёнка. Светленького и пушистенького.

Теренс моргнул, удивлённо уставившись на меня, словно не зная, как реагировать. Его губы чуть дрогнули, но улыбка так и не появилась.

— Котёнок... — повторил он, словно пробуя слово на вкус. — Никто меня так раньше не называл.

— Теперь будут, — твёрдо заявила я. — А сейчас ступай к сестре. Ей нужно, чтобы ты был рядом. Мадлен, наверное, до сих пор дрожит от всех этих событий.

Мальчик хмуро кивнул, словно спорить не собирался, но что-то внутри всё же не отпускало его. Перед тем как уйти, он задержался на месте, явно обдумывая что-то.

— Маман… у неё был дневник, — наконец сказал он, опустив взгляд. — Она записывала туда всё. Может быть, там вы найдёте ответы.

— Дневник? — переспросила я, оживившись.

— Да, — подтвердил он, но тут же нахмурился. — Только я не знаю, где он лежит. Никто, кроме женщин нашего рода, не мог его видеть. Это была… магия.

— Ага, — протянула я, чувствуя, как этот мир становится всё более странным. — Значит, придётся искать.

Теренс, похоже, немного смутился, не зная, что ещё добавить. В его глазах всё ещё читалась боль утраты, смешанная с детской усталостью.

— Иди, котёнок, — мягко сказала я, положив руку ему на плечо. — Ты уже сделал больше, чем достаточно. Отдыхай.

Мальчик кивнул, на этот раз без колебаний, и направился к выходу. Но, дойдя до двери, обернулся:

— Мадам… Спасибо, что вы… с нами.

Я вздохнула, но ничего не ответила. Сказать, что это был мой выбор, — значило бы солгать. Но разве было дело в выборе? Я смотрела, как он исчезает в коридоре, его светлая макушка мелькнула в луче свечи и пропала за углом, а сама думала о своей матери. Как она переживёт мою потерю? Или же на моё место придёт эта стерва, и тогда маме придётся много-много намучиться с нею. Ох, мамочка, роднулечка моя, держись!

С другой стороны, внутри меня скреблась мысль, за которую мне было очень стыдно перед родным человеком, но которая не отпускала, жужжа на периферии мозга, как надоедливый комар.

Здесь я нужнее! Уж кто-кто, а я этих деток не обижу и постараюсь сделать всё, чтобы им помочь.

Но в сторону такие мысли, ночь не бесконечна, как и мои силы. Нужно собраться и действовать.

Найти дневник женщины, чью жизнь я теперь была вынуждена примерить на себя, и разобраться в том бардаке, что натворила Элеонора. Да уж, это будет интересная ночь.

Глава 5

— Вот же стерва самовлюблённая! — цедила я сквозь зубы, углубляясь в хитросплетения судьбы Элеоноры Абигейл Кларенс. Несравненной красавицы и покорительницы мужских сердец (вот сейчас хочется закатить глаза).

Хотя на самом деле она действительно могла пользоваться популярностью. Пока я искала дневник (недолго, так как он оказался спрятан в небольшом письменном столе, что ещё не успела распродать транжира), мне удалось наткнуться на небольшое зеркальце.

Нет, я помню, что девушка, повстречавшаяся мне при переходе, была красивой, но тогда мне было как-то не до любования. А сейчас...

Хм, такая, пожалуй, может и захомутать понравившегося мужчину. Если, конечно, будет держать рот на замке и не поделится своим «бесценным» мнением.

Элеонора была чертовски хороша. Высокие скулы подчёркивали аристократическую утончённость её лица, тонкий нос с чуть приподнятым кончиком добавлял лёгкую дерзость. Губы... о, эти губы! Они были пухлыми, естественно яркими, будто сама природа сделала их приглашением к поцелую.

Глаза — глубокие, миндалевидные, с длинными ресницами, оттенённые мягкой тенью. Их цвет, к моему удивлению,

оказался золотисто-карим, с каким-то загадочным отливом, который словно притягивал взгляд и не отпускал. Эти глаза точно умели смотреть так, чтобы мужчина забывал своё имя.

Кожа была гладкой, фарфоровой, с лёгким розовым румянцем на скулах. Идеальная. Даже слишком. Казалось, будто она никогда не знала тяжёлой работы или стрессов. Ну да, это ведь я теперь в её теле, так что «стрессы» — это моя забота, не её.

Её волосы... Боже, какие волосы! Пышные, золотисто-каштановые локоны свободно падали на плечи, обрамляя лицо. Они были настолько густыми и блестящими, что напоминали шёлк. Такие волосы в рекламе шампуня бы точно не постеснялись показать.

Идеально ровная шея, тонкие запястья, изящная линия плеч — в Элеоноре всё вопило о женственности и грации. Это была та женщина, которая без труда могла бы вызвать зависть у других и восторг у мужчин.

До тех пор, пока не начинала говорить. Боже, это было нечто!

Если вы угораете от видео и пародий на недалёких, но красивых дамочек с интеллектом амёбы и запросами королев, то знайте: это не мифы и не выдумки! Такие женщины реально существуют, и Элеонора была одна из них.

При всём том, это недоразумение ещё и обладало магическим даром, что делало её очень опасной. Не менее опасной, чем обезьяну с гранатой.

Так вот, взрастила эту прелесть не менее эгоистичная мать, что, в свою очередь, была продуктом воспитания бабушки.

Меня, конечно, более интересовали недавние события, но дневник был полон сюрпризов и оказался вещью наследственной, передающейся из поколения в поколение.

Там были записи и предыдущих владелиц, и они навевали два абсолютно несовместимых чувства: грусть и ужас.

Женщины их рода... Они были удивительным сочетанием эгоизма и одиночества. Любили только себя, но при этом и счастья никогда не знали. Это читалось между строк дневника, который я перелистывала с возрастающим чувством печали и трепета.

Элеонора писала, что её бабка действительно считала, будто их далёкого предка прокляли. И проклятие было чем-то вроде кары за гордыню или жестокость. Или измену.

Бабка не уточняла.

Но сама Элеонора и её мать смотрели на это иначе. Для них это был дар. Как по мне, мрачный и жестокий, но всё же дар.

Он заключался в том, что при проведении ритуала женщина могла заполучить любого мужчину. Любого!

Главным условием было провести с ним ночь. После этого он непременно влюблялся, терял голову и... женился. Казалось бы, идеальный инструмент для женщин их рода, которые привыкли брать от жизни всё. Но дар, как и любое мо-

гущественное явление, требовал плату.

Но какую? Я быстро пролистала страницы бессмысленных рассуждений, но ответа так и не нашла.

Да и пользоваться им можно было только трижды за жизнь. Дальше он мог навредить своей владелице, но вы помните, что я рассказывала про интеллект Элеоноры, правда же?

Ради хорошей жизни она готова была рискнуть всем. Заметьте, не ради детей, а ради собственного благополучия.

Кстати, о детях. Малыши её мало интересовали, ну разве что Мадлен, которая в будущем должна была пойти по стопам матери. Но девочку по-настоящему не любили, скорее видели в ней, как в зеркале, отражение себя и поэтому баловали нещадно.

А вот Теренса будто даже не существовало вовсе. Так, первый ребёнок, будущий обслуживающий персонал. Мужчина, который не стоит внимания.

На этом моменте я прервала чтение и, отложив дневник, потерла переносицу.

Как? Объясните мне КАК? можно было не замечать этого умницу, с его преданной любовью, готового умереть за мать и сестру?

Насколько нужно быть тупоголовой... Дыши, Ясмин, дыши! Это чудовище отправилось в твой мир, и там ей придётся несладко.

Внешность у меня симпатичная, но не супер. Со своим

интеллектом и без магически усиленной привлекательности Элеонору ждёт полнейшее фиаско. Жаль только маму! Но что-то мне подсказывает, что она на эту пустышку быстро найдёт управу.

У моей мамы сильный характер, и несмотря на безмерную любовь ко мне, единственной дочери, правила жизни у неё были строгие, и она смогла воспитать меня приличным человеком.

Глядишь, и из этой стервы что-то слепится.

О, Боже, я же бесплодна там! Ещё один подарок мироздания! У этой эгоистки больше не будет детей, над которыми можно было бы измываться!

Воистину справедливость существует!

Но отложим эмоции и вернёмся к делу.

Больше о даре я ничего не нашла. Сколько бы ни листала, на страницах были только какие-то глупости о нарядах, цацках и мужчинах.

Вторым интересующим меня моментом было финансовое положение, но и тут Элеонора была очень скупа на подробности. Только упоминала о долгах и стенала, что нужно переехать с большого имения.

А ещё... Рррррррр! Я бы убила эту женщину, если бы она вдруг оказалась сейчас рядом.

Мадам не стеснялась распродавать детские игрушки и одежду, что ещё оставалось в доме. При этом о своих нарядах она не говорила ни слова.

Мать года! Нет — Мать века! Не меньше.

Больше читать этот бред я была не в силах, и, захлопнув дневник, решила побродить по дому и посмотреть, что ещё осталось в нашем распоряжении.

Мебели было маловато, ковров не наблюдалось вообще, никаких украшений и излишеств. Всё по-спартански, даже чересчур.

Что наталкивало на мысли. Ведь, потратив полночь на чтение, я примерно составила себе портрет Элеоноры и понимала, что такая жить в скромных апартаментах не будет.

Если я хоть немного разбираюсь в людях, то Элеонора напичкала бы этот дом всякой дорогой безвкусицей под самый потолок.

То есть такая пустынная обстановка говорила, что семья дошла до крайности, и всё-всё, что можно было, женщина распродала.

Ну, почти всё.

— Ах, ты ондатра облезлая! — не удержалась я, открыв крупный шкаф, что нашёлся в одной из комнат, и увидев полным-полно различных нарядов весёлой расцветки.

Подхватив красивый, тёмно-фиолетовый костюм для верховой езды и светло-светло-розовое платье, я тряхнула их, будто это была шкирка самой Элеоноры.

— Игрушки ты, значит, детские продавала, зараза!

Я глубоко вдохнула, пытаясь успокоиться, и сосредоточиться на деле. Это удалось... нелегко. Но виновницу сей-

час было не достать, а вот беспорядок, оставленный ею, был очень даже ощутим и реален.

Сделала себе мысленную заметку: позже пересмотреть всё содержимое шкафа и составить список того, что можно использовать или продать. В конце концов, наряды сейчас не в приоритете.

Оставив шкаф в покое, я двинулась дальше, пока не наткнулась на второй сюрприз — менее приятный. На старом, скрипучем столе в углу комнаты громоздилась целая куча бумаг.

— Ну что тут у нас? — пробормотала я, осторожно вытаскивая верхнюю папку.

Куча оказалась сборником счетов и требований об оплате. Почерк был угрожающим, даже не глядя на содержание, можно было почувствовать, как от страниц веет враждебностью. Суммы же и вовсе заставили меня сесть на край стула.

— Ого... — я провела пальцем по строчке с тремя нулями. — Неплохо ты тут накуролесила, Элеонора.

Проблема заключалась в том, что я пока понятия не имела, насколько это серьёзно. Местная экономика для меня была чем-то неизведанным. Эти деньги могли быть как сравнительно терпимой задолженностью, так и целой пропастью, которая уже готова поглотить этот дом, детей и всё, что осталось.

— Ладно, — пробормотала я, откладывая бумаги в сторону. — Это надо изучить. Но точно не сейчас.

В глубине души я уже начала чувствовать тяжесть того, что взвалила на меня судьба и криворукая ведьма-самоучка (ведьма, это я не про магию, а про характер). Дом, дети, долги — всё это превратилось в клубок проблем, который явно не распутать за один вечер.

Я продолжила осмотр. Открывая ящики стола, я всё больше убеждалась, что дом обчищен до последней мелочи. Почти всё продано, даже предметы повседневного обихода.

— Оставила только самое «необходимое», да? — пробормотала я с сарказмом, вытаскивая из ящика что-то вроде чёрного бархатного альбома с металлическими уголками.

Я открыла его, надеясь найти хоть какую-то информацию. Это оказалась книга учёта. Или, точнее, список продаж, заполненный кривоватым почерком, который я с лёгкостью узнала.

— Десять серебряных за ковёр из гостиной... — я моргнула, снова перечитав строку. — Три золотых за портрет. Продан сервиз… Ах ты, бессовестная транжира!

Половина записей касалась вещей, которые явно принадлежали детям. Игрушки, одежда, даже кроватки. Всё ушло на аукцион или прямиком в руки кредиторов.

Но наряды. Костюмы. Эти дорогие платья с вышивкой, лентами и перьями? Всё это стояло в шкафу целёхоньким.

— Потрясающая материнская забота, — фыркнула я, захлопнув книгу.

Сделав несколько шагов по комнате, я остановилась у ок-

на, глядя на улицу. Уже начинало светать. Дом казался слишком тихим, а за пределами его стен витала тревога. Я знала, что проблемы не решатся сами собой. И мне, кажется, придётся взять на себя гораздо больше, чем я изначально думала.

— Что ж, начнём с самого простого, — сказала я себе. — Разобраться с бумагами, понять, сколько у нас вообще есть времени, а потом... потом разберёмся, что делать дальше.

Но в глубине души я чувствовала, что ни «просто», ни «быстро» в этом деле не будет.

Глава 6

Спина и шея болели просто ужасно. Плечи будто закостенели, и причины я не находила, пока не попробовала поменять положение. Вот тогда под моей правой щекой и зашуршало.

Со стоном я приподняла голову со стола и расправила плечи, с трудом разлепив глаза.

Обзору мешал один из счетов, что прилип к лицу. Я так ночью увлеклась их просмотром и сортировкой, что совсем выбилась из сил и элементарно заснула на столе.

С плеч скользнуло одеяло, мягко упав на пол. Я провела рукой по шее, пытаясь размять затёкшие мышцы, и вдруг поняла: кто-то меня укрыл. Это явно был Теренс. Золотой ребёнок. Кто же ещё?

Я поднялась со стула, потянулась, ощущая, как ноет каждая мышца, и бросила взгляд в окно. На улице уже вовсю царило утро, мягкий свет солнца пробивался сквозь занавески, заливая комнату. Но моё внимание привлекло не это.

Из кухни доносились звуки готовки — лёгкий шорох, царапанье, тихий стук чего-то о чугун. Заинтригованная, я направилась туда, следя за звуками.

Как только я вошла, картина, развернувшаяся передо мной, заставила невольно улыбнуться и умилённо вздохнуть.

Теренс стоял у небольшого угольного очага, который был

встроен в кухонный камин. Крохотная чугунная сковорода лежала на специальной железной решётке, а под ней мерцали угольки, давая достаточно тепла для готовки. В одной руке мальчик держал длинную металлическую лопатку, которой аккуратно переворачивал яйца. На другой руке болталась полотняная тряпка — видимо, чтобы не обжечься.

Услышав мои шаги, он резко обернулся, его лицо мгновенно залила лёгкая краска.

— Мадам! — произнёс он, словно его застали за каким-то пакостным делом. — Завтрак почти готов! Я… я уже заканчиваю.

— Теренс, — тихо сказала я, облокотившись на дверной косяк. — Ты встал рано, чтобы сделать это?

Мальчик замялся, неловко переступив с ноги на ногу.

— Вы… вы так устали вчера, — пробормотал он, не глядя мне в глаза. — Я подумал… Ну… что вы голодны.

От его слов стало как-то тепло. Я сделала шаг вперёд и положила руку ему на плечо.

— Ты просто чудо, — сказала я искренне. — Настоящее чудо.

Теренс вздрогнул, но быстро вернулся к яйцам, явно смущённый похвалой.

— Садитесь, мадам, — бросил он через плечо, снова сосредотачиваясь на сковороде. — Ещё немного, и всё будет готово.

Я сначала думала сделать всё сама, а потом поразмыслила

и не стала спорить. Просто молча опустилась за стол, наблюдая, как этот маленький мальчик, который, по идее, должен был быть беззаботным ребёнком, берёт на себя заботу о доме и обо мне.

Сердце защемило. Но я только улыбнулась, понимая, что, возможно, впервые за долгое время этот дом узнает, что такое настоящая забота.

Теренс закончил готовку, ловко переложил яйца на две тарелки и поставил одну передо мной, а другую — напротив, на другую сторону стола. Его движения были быстрыми, почти механическими, словно он давно привык к этой роли.

— Спасибо, — поблагодарила я, ощущая лёгкий трепет от того, как искренне этот мальчик старался.

Однако прежде чем приступить к еде, я мельком взглянула на дверь.

— А Мадлен? — спросила я, поднимая вилку. — Она выйдет или опять отказывается есть?

Теренс покраснел, замешкался, а потом едва слышно пробормотал:

— Это… это для неё.

Я замерла, моя рука с вилкой зависла над тарелкой.

— Что? — переспросила я, внезапная догадка пронзила меня как молния. — А где твой завтрак?

Мальчик окончательно смутился, отвернулся, словно надеялся, что я не услышу его тихий ответ:

— Я не голоден, мадам.

Всё внутри меня сжалось. Сделать правильные выводы для меня было делом одной минуты. После прочитанного в дневнике я, кажется, была экспертом по внутрисемейным делам Кларенсов.

Отложив вилку, я решительно отодвинула миску на другую сторону стола.

— Теренс, — начала я твёрдо, но без резкости, — садись и ешь.

Он обернулся ко мне, в глазах застыло что-то вроде жалобного непонимания.

— Но… разве вам не понравился завтрак? — спросил он с таким отчаянием, что мне стало больно за него.

Я не выдержала. Поднявшись, подошла к нему, присела на корточки, чтобы не смотреть сверху вниз. Его большие глаза, полные тревоги, встретили мой взгляд. Я осторожно взяла его маленькую тёплую ручку, уже успевшую покрыться первыми мозолями.

— Теренс, — мягко сказала я, глядя прямо в его смущённое лицо. — Мне очень понравился завтрак. Ты замечательно готовишь. Но… взрослые должны заботиться о детях, а не наоборот.

Он смотрел на меня, явно не понимая, о чём я говорю.

— И пока я здесь, я позабочусь о том, чтобы у вас с Мадлен было всё необходимое. Это моё обещание.

Я знала, что эти слова не изменят его жизни мгновенно. Но для меня было важно — донести до него, что теперь он

не один. Поддавшись порыву, я протянула руку и осторожно погладила его по голове. Его светлые волосы оказались мягкими на ощупь, но сам мальчик застыл, словно статуя, не двигаясь ни на миллиметр.

Сердце моё сжалось в который раз. Этот ребёнок явно не знал, что такое ласка. Даже простое прикосновение оказалось для него чем-то невероятным.

— Всё хорошо, — тихо добавила я, стараясь, чтобы мой голос звучал максимально успокаивающе.

Теренс наконец медленно кивнул, но в его глазах мелькнула неприкрытая растерянность. Он не знал, как реагировать. Я мягко отпустила его руку и улыбнулась.

— А теперь садись и ешь, — сказала я, поднявшись.

Он повиновался, но его движения были неуверенными, будто он всё ещё пытался осознать, что произошло. Сев за стол, он робко взял вилку, бросая на меня осторожные взгляды.

Я присела, сдерживая нахлынувшие эмоции. Этот мальчик заслуживал гораздо большего, чем то, что ему довелось пережить. И я собиралась сделать всё, чтобы он это получил.

Внимательно посмотрев, как Теренс ковырял вилкой в своей тарелке, едва касаясь еды, я всё больше ощущала нарастающее беспокойство. Не то чтобы я сама привыкла к роскоши или изобилию, но интуиция подсказывала, что ситуация хуже, чем кажется.

— Теренс, — тихо спросила я, повинуясь внутреннему на-

итию. — У нас ещё что-нибудь есть из еды?

Мальчик замер, потом поднял голову, глядя на меня исподлобья. Его щёки залились румянцем, а взгляд побежал куда-то в сторону.

— Нет, мадам, — пробормотал он едва слышно.

— То есть… — я сделала паузу, чтобы собраться с мыслями. — Это были последние яйца?

Теренс кивнул, опустив голову ещё ниже.

— Ясно, — протянула я, чувствуя, как внутри что-то неприятно сжимается. — А откуда они вообще?

Он снова замялся, стиснул вилку в руке, словно пытался удержаться от побега, и наконец ответил, не поднимая головы:

— Я их… одолжил.

Я подняла бровь, но постаралась сохранить спокойствие.

— Одолжил? У соседей?

Он кивнул ещё раз, лицо его покраснело до ушей.

— Только два, мадам. Одно для маман… и одно для Мадлен.

Эти слова поразили меня до глубины души. Голод — вот что заставило этого благородного ребёнка переступить черту. Но даже в этом он думал не о себе. Два яйца — ни больше, ни меньше. Одно для матери, которая никогда о нём не заботилась. И одно для сестры, которую он всегда оберегал.

— Как давно ты это делаешь? — мой голос стал мягче, но внутри уже клокотала ярость.

— Месяц, — выдохнул он. — С тех пор как… как маман продала большое зеркало из зала.

— Продала зеркало? — переспросила я, с трудом удерживаясь от гневного возгласа.

Теренс сжался в комочек, но всё же продолжил:

— После этого у нас совсем ничего не осталось. Маман не готовила. Мадлен плакала, а я… я не знал, что делать.

Я закрыла глаза и сделала глубокий вдох, стараясь унять нахлынувшую волну эмоций.

— Теренс, — сказала я тихо, наклоняясь к нему. — Ты… больше так не делай, хорошо? Мы найдём выход.

Он поднял на меня глаза, полные недоумения и тревоги.

— Но… мадам, если вы голодны, я…

— Нет, — я мягко прервала его. — Я взрослый человек. Это моя ответственность, а не твоя.

Мальчик замер, в его глазах мелькнуло что-то вроде облегчения, но и неуверенность оставалась. Я встала, посмотрела на него сверху вниз и твёрдо добавила:

— Мы всё исправим. И, обещаю, ты больше никогда не будешь воровать ради еды.

Он кивнул, но молчал, а я мысленно составляла план. В первую очередь нужно было найти хоть какие-то запасы или средства. Если их нет (а, судя по всему, так и есть) — придётся идти к соседям и попытаться продать что-то из вещей Элеоноры.

Но одно я знаю наверняка. Голод в этом доме закончится

сегодня.

Глава 7

Сказать — это одно, а сделать — совсем другое. Слишком многое в этом доме кричало о полном упадке. Но, несмотря на это, я решила дать ему ещё один шанс. Если Элеонора что-то оставила, это могло быть спрятано получше, чем дневник или старое платье.

Я ещё раз прошлась по комнатам, внимательно осматривая каждый угол, заглядывая в шкафы, ящики, даже под кровати. Но, увы, результат был прежним. Никаких денег, никаких драгоценностей — ничего, что могло бы хоть как-то помочь в сложившейся ситуации.

Вернувшись на кухню, я обнаружила Теренса и Мадлен, что о чём-то шептались, сидя за столом.

— Здравствуй, Мадлен, — поздоровалась я, но малышка молча поднялась и, задрав свой курносый носик, вышла из кухни.

Я проводила её внимательным взглядом, решая, стоит ли попытаться сейчас или отложить на потом.

Всё же, наверное, отложу. У меня есть более важные вещи, которые нужно решать. Да и опыт мне подсказывал, что с такими балованными принцессами лучше вести себя по-другому.

Поэтому, пожав плечами, я обратилась к мальчику.

— Теренс, — начала я, присаживаясь напротив. — Ты мо-

жешь мне объяснить, как здесь работает денежная система?

Мальчик заморгал, явно удивлённый вопросом, но всё же попытался ответить:

— У нас есть… монеты. Серебряные и золотые. Ещё бывают медные, но они мало что стоят. Всё… всё зависит от веса монеты.

Я кивнула, делая вид, что понимаю.

— А ваша мама как продавала вещи? У неё был какой-то покупатель?

Теренс слегка поёжился, будто вспоминая что-то неприятное.

— Да, — сказал он неуверенно. — Был стре… стреёвщик. Мистер Чарльз Ольрис. Он часто приходил сюда, чтобы забрать то, что мама продавала.

— А как его можно найти? — осторожно уточнила я, уже прикидывая, что можно продать.

— Он… помер, мадам. Несколько недель назад. Его жена теперь ведёт дела. Но… она сказала, что больше ничего не купит у нас.

— Почему?

Мальчик вздохнул и опустил голову.

— Она… она ненавидит маман. После того, как мама взяла у них деньги в долг и не вернула, миссис Ольрис сказала, что больше не хочет с нами иметь дело.

Я закрыла глаза, стараясь унять раздражение. Ещё одна проблема, оставленная Элеонорой.

— А есть другие? Те, кому можно продать что-то?

Мальчик с сожалением покачал головой.

— Нет, мадам, наш город очень маленький, и тут есть только миссис Ольрис. Она также владелица единственного магазина. У неё всё: продукты, ткань, даже свечи. Но… она очень злая.

Я задумалась. Если Ольрисы действительно владели единственной лавкой в округе, ругаться с ними было бы глупо. Эх, Элеонора, почему вместо красоты тебе не дали хоть капельку ума?

Риторический вопрос, очевидно. Но я решила, что стоит попытаться поговорить с этой миссис Ольрис. Возможно, у меня получится с ней договориться.

— Хорошо, — сказала я наконец. — Где находится её магазин?

Мальчик выпрямился, и в его глазах мелькнуло удивление.

— В центре города, мадам. Большой дом с вывеской. Но вы точно хотите туда идти?

Я улыбнулась, стараясь выглядеть уверенной, хотя внутри меня всё переворачивалось от страха. Самой? В новом мире? Среди людей, что явно недолюбливали предыдущую владелицу? Жуть! Но я уже пообещала этому ребёнку сытость и безопасность и должна сдержать слово.

— Конечно, хочу. Мы ведь не можем просто сидеть здесь и ждать чуда, правда?

Он кивнул, но его взгляд оставался настороженным.

— Я покажу вам дорогу, мадам, — предложил он тихо, но я покачала головой.

— Нет, Теренс. Ты останешься здесь и позаботишься о сестре. Это моё дело, и я разберусь.

Мальчик хотел возразить, но, встретив мой решительный взгляд, только кивнул.

Поговорив с мальчиком и доверив на этот раз уборку на кухне ему (не то чтобы я сомневалась в его способностях, просто меня коробило, когда такой вот мальчуган не "помогал", а именно взваливал на свои плечи обязанности), я отправилась отбирать товар.

Шкаф, который раньше вызывал раздражение, теперь казался чуть ли не благословением. Я открыла его и, несмотря на пестроту нарядов, вздохнула с умилением. Конечно, теоретически, стоимость этих вещей могла быть не такой уж высокой. Но даже беглый взгляд на качество тканей и отделки говорил об обратном. Элеонора, с её любовью к роскоши, никогда бы не купила что-то дешёвое или заурядное.

Я начала внимательно перебирать платья, аккуратно вынимая их из шкафа. Тяжёлые зимние наряды с плотной подкладкой и меховыми элементами я сразу отложила в сторону. Они выглядели самыми дорогими, но именно поэтому я решила их оставить.

— Лето-то сейчас, — пробормотала я себе под нос, расправляя очередной рукав. — Но кто знает, какие тут зимы?

На крайний случай эти накидки можно использовать по назначению.

Лёгкие наряды из шёлка, батиста и атласа, наоборот, могли быть проданы быстрее. Они были нарядными, но не такими утилитарными, а значит, менее необходимыми в хозяйстве.

Выбрав два самых пёстрых платья, которые кричали своей пышностью о праздности и роскоши, я отложила их в сторону. Одно было светло-голубым с изящной вышивкой, а второе — кремового оттенка с легчайшими кружевными вставками.

Затем мой взгляд упал на пару перчаток, аккуратно сложенных в ящике шкафа. Тонкая кожа, мягкая на ощупь, явно была дорогой. Такие перчатки я тоже решила продать.

— Хоть немного денег, — пробормотала я, сворачивая их и добавляя к платьям.

Теперь нужно было переодеть и себя. Так как, во-первых, то платье, что на мне, явно нуждалось в стирке. А во-вторых, не стоило дразнить гусей, что уже и так злобно на меня шипели.

Идя к другой женщине, я предпочту надеть что-то более скромное и сдержанное.

И для этого я выбрала чёрное закрытое платье, которое смотрелось скорее строгим, чем роскошным. Оно выглядело гораздо проще, чем всё остальное в шкафу, и идеально подходило для моего похода в город. Бьюсь об заклад, что Эле-

онора надевала его всего лишь три раза в жизни, но сейчас оно мне показалось почему-то особенно уместным.

Не на дискотеку иду, а договариваться о рассрочке и какой-никакой финансовой помощи. А для этого образ несчастной вдовы подходил как нельзя лучше.

Конечно, логика говорила, что вряд ли кто-то воспринимал Элеонору как жертву, но попытаться стоило.

Поэтому, сложив выбранные вещи в небольшую коробку, я аккуратно накрыла их тканью, чтобы защитить от пыли. Взглянув на свою нелёгкую ношу, я вдохнула поглубже, собирая мысли.

— Ладно, — сказала я себе. — Пора в путь.

Я ещё раз заглянула к Теренсу, который энергично тёр тряпкой стол.

— Ты тут справишься? — спросила я.

— Да, мадам, — ответил он, выпрямившись. — Всё будет готово, когда вы вернётесь.

— Умница, — похвалила я, не удержавшись от лёгкой улыбки.

Забрав коробку, я направилась к выходу, готовая к сложному разговору с миссис Ольрис.

Вышла за порог дома и замерла, крепче сжимая в руках коробку с платьями. Передо мной открылась улочка, которая больше всего напоминала деревню где-то из фильмов про викторианскую Англию.

Дорога была не слишком широкой, вымощена крупны-

ми камнями, которые давно потеряли свою первоначальную ровность. По краям стояли аккуратные дома с покатыми крышами и маленькими крыльцами, украшенными цветами в горшках. Всё выглядело опрятно, но без излишеств — словно эта часть города не знала ни бедности, ни богатства, просто тихо существовала на периферии.

Людей было немного. Они двигались по своим делам неспешно: кто-то тащил корзину с овощами, кто-то вёл за руку ребёнка. Женщины в платьях с корсетами, мужчины в костюмах и жилетах — всё словно сошло с книжных иллюстраций. Лёгкий шум разговоров и звуки шагов по каменной мостовой создавали спокойную, даже умиротворяющую атмосферу.

Но это спокойствие было обманчивым. Стоило мне шагнуть на улицу, как взгляды, сначала мимолётные, стали задерживаться на мне дольше, чем хотелось бы.

Кто-то здоровался друг с другом, а на меня бросал лишь косой взгляд. Другие же, увидев меня, просто отворачивались, будто мой образ внезапно стал лишним в этом идеально упорядоченном мире.

Чёрное пятно на светлом полотне (во всех смыслах этого слова).

Я вздохнула, чувствуя, как внутри нарастает тревога.

— Ничего, — пробормотала я себе под нос, крепче сжимая коробку. — Тебе не обязательно нравиться этим людям. У тебя есть цель, Яся. Дети дома. Дети, которым ты нужна.

Эта мысль помогла мне сделать первый шаг. Я запретила себе пасовать.

— Ты идёшь вперёд, — твёрдо напомнила я себе.

Наступая на горло своей робости, я пошла по улице, стараясь не сталкиваться взглядом ни с кем. Люди продолжали мелькать передо мной: кто-то занятый своими заботами, кто-то недовольно оглядывающийся. Я приподняла голову, напоминая себе, что жалость к себе — последнее, что мне сейчас нужно.

Примерно определив направление к центру, я продолжала двигаться в ту сторону. Сердце стучало громче, чем хотелось бы, а коробка с платьями в руках будто наливалась тяжестью с каждым шагом. Но я знала одно: я не могу остановиться.

Домой я должна вернуться с результатом.

Интуиция не подвела меня. Очень быстро я вышла на площадь, которая, как оказалось, была сердцем этого небольшого городка.

Просторная и аккуратно вымощенная булыжником, площадь имела форму круга, по краям которого располагались ключевые здания. В центре возвышался небольшой каменный фонтан, его струи весело журчали, словно пытаясь оживить атмосферу, которая здесь казалась сонной и размеренной.

Одним из самых заметных зданий был магистрат. Серьёзное, прямоугольное строение из серого камня, с массивными колоннами у входа и большими окнами, через которые вид-

нелись строгие деревянные столы. Над входом висела деревянная табличка с лаконичной надписью: «МАГИСТРАТ». Здание словно говорило: «Здесь решаются вопросы порядка».

Неподалёку стояло культовое здание, напоминающее церковь. Его высокий шпиль, устремлённый в небо, был увенчан символом, который я не смогла распознать. Стены украшали витражи, которые, казалось, рассказывали истории с помощью света и цвета. Перед зданием стояла пара пожилых мужчин в длинных одеяниях, обсуждая что-то сдержанными голосами.

Но моё внимание привлекло здание с вывеской «Мистер Ольрис и Ко». Это была двухэтажная постройка из светлого кирпича с большими стеклянными витринами. Внутри магазина можно было разглядеть всё, что душе угодно: от изящных корсетов и мягких подштанников до мешков с мукой и инструментов. У входа висел колокольчик, очевидно, чтобы извещать о посетителях.

Людей в магазине было немного — час был поздний, и основная часть жителей, похоже, уже вернулась к привычным делам или разбежалась по работам.

За прилавком суетилась невысокая полноватая женщина. Её тёмное платье было скроено просто, но аккуратно, подчёркивая хозяйственность и практичность. На шее висел тонкий кружевной воротничок, прикрывающий шею и плечи, а из-под простого чепца выбивались несколько седых

прядей, выдавая её возраст. Её круглое лицо выражало нечто среднее между усталостью и деловитостью. Маленькие, живые глаза за круглыми очками внимательно следили за покупателями.

Увидев её, я поняла, что разговор будет непростым. У этой женщины было такое выражение лица, что в ней сразу чувствовались внутренняя сила и упорство, которые не позволили бы ей отступить от своих принципов.

Я сделала глубокий вдох и шагнула к двери, держа коробку крепче. Внутри меня боролись тревога и решимость.

— Ты справишься, — тихо сказала я себе, открывая дверь.

Колокольчик весело прозвенел, оповещая о моём приходе, и все взгляды внутри магазина сразу устремились на меня.

Глава 8

Некоторое время посетительницы, которые ещё оставались в магазине, молча и откровенно разглядывали меня. Их взгляды скользили по мне, словно оценивая не только мой внешний вид, но и само моё право находиться здесь. После паузы они начали двигаться к выходу, стараясь сделать вид, что уходят по своим делам, хотя демонстративность их поведения была очевидна.

Последними вышли две женщины. Первая — дама лет сорока, в строгом платье, которое делало её ещё более угловатой, чем она была на самом деле. Вторая — юная девушка с высокомерным взглядом, вздёрнутым подбородком и чуть насмешливой улыбкой. Они даже не попытались скрыть презрение, бросая косые взгляды, прежде чем гордо распахнуть дверь и выйти.

Я пожала плечами, стараясь не обращать внимания, и натянула самую дружелюбную улыбку, на какую только была способна. Решительно направившись к прилавку, я поздоровалась:

— Добрый день, миссис Ольрис.

Женщина, стоявшая за прилавком, медленно повернулась ко мне. Она была невысокой и плотной, её широкое лицо с мясистым носом и прищуренными глазами выражало откровенное недовольство. Тонкие губы были плотно сжаты, а ру-

ки, покрасневшие от вечной работы, упёрлись в бока.

— Чего тебе? — спросила она резко, глядя на меня так, будто я принесла сюда заразу.

Я сделала вдох, стараясь сохранить спокойствие.

— Я пришла предложить вам… — начала я, аккуратно ставя коробку на прилавок.

Но она не дала мне закончить.

— Мне не интересны твои грязные вещички! — отрезала миссис Ольрис.

Я моргнула, немного опешив от её тона, но всё же попробовала продолжить.

— Послушайте, это хорошая вещь, — сказала я, стараясь говорить мягче. — Ткань отличного качества, шитьё аккуратное. Думаю, они могли бы…

— Думаешь? — она нахмурилась ещё больше, её голос стал громче. — Думаешь, я буду покупать барахло у такой, как ты?

— У такой, как я? — переспросила я, чувствуя, как жар поднимается к лицу.

— А ты не понимаешь? — фыркнула она, наклоняясь чуть ближе. — Ведьма, которая якшается с тёмными силами! Хватит обманывать людей! Убирайся из моего магазина, пока я не позвала стражу!

Её слова эхом отдались в моей голове. Я попыталась возразить, стараясь держать голос ровным:

— Вы ошибаетесь. Я не ведьма, я просто…

— Мне плевать, кто ты, — перебила она, махнув рукой в сторону двери. — Исчезни отсюда. А если ещё раз появишься, я сама обеспечу, чтобы тебя вышвырнули из города!

Собрав остатки своего достоинства, я выпрямилась, забрала коробку с прилавка и ответила как можно спокойнее:

— Простите за беспокойство.

— Катись! — резко бросила она вдогонку, даже не смотря в мою сторону.

Выйдя за двери, я остановилась на ступеньках магазина, чувствуя, как меня обволакивает тяжёлое разочарование. Краем глаза я заметила, как люди на площади снова начали оглядываться, обсуждая что-то между собой.

Я сделала глубокий вдох, поправила коробку и пробормотала:

— Вот и сходила, Яся.

Но что же делать? Куда идти?! Это единственный магазин на весь городок. Возможно, в соседнем населённом пункте поблизости есть другие, но туда ещё нужно добраться. А на транспорт обратно — нужны деньги! Нет — нет, нужно предпринять что-то ещё.

Я обернулась и снова посмотрела на хозяйку магазина, которая усиленно делала вид, что работает, но на самом деле следила за мной украдкой.

Хмм... Интересно... А что если... Ха-ха, стоит попробовать.

Знаешь что, голубушка, сейчас я тебе устрою!

Вспомнив, как мама, интеллигентная, но сильная и находчивая женщина, умела давать отпор хамам, я решила действовать. Она всегда была изобретательна и наблюдательна — и именно это собиралась применить я к миссис Ольрис.

Снова войдя в магазин и поймав удивлённый взгляд хозяйки, я начала медленно проводить ладонью по товарам, тихо бормоча себе под нос неразборчивые слова. Сначала шокированная моей наглостью, миссис Ольрис быстро пришла в себя и попыталась выгнать меня:

— Я же сказала тебе убраться отсюда! — её голос дрожал от возмущения и, возможно, скрытого страха.

Я подняла на неё взгляд и изобразила самую дьявольскую улыбку, на которую только была способна. Закончив своё бормотание на высокой ноте, я пристально посмотрела ей прямо в глаза.

— Ты права, — прошипела я угрожающе. — Я действительно ведьма. Страшная и злая!

Мимика хозяйки магазина подсказала, что я на правильном пути. Она замолчала и резко побледнела, отшатнувшись и прижавшись к стеллажам за своей спиной.

Захотелось торжествующе захихикать и крикнуть «Буууууу», но я сдержалась, решив не портить игру, а дожимать клиента, так сказать:

— Рядом со мной все гибнут. Думаешь, твой муж, мистер Ольрис, умер просто так?

По лицу женщины я поняла, что попала в точку. Она и

правда боялась меня и, похоже, считала смерть супруга результатом действия тёмных сил. Я просто озвучила и подтвердила её мысли.

Не останавливайся, Яся, сегодня у тебя будет еда на столе, а у кого-то — мокрые простыни и бессонница.

— Что... что ты говоришь? — прошептала она, расширяя глаза от ужаса и ещё плотнее вжимаясь в стеллаж, от чего железные банки с какой-то консервированной едой угрожающе шатнулись.

— Ты сама знаешь, о чём я, — ответила я тихо, делая шаг вперёд. — Тот, кто смеет мне перечить, рискует многим. Твой муж, например, в прошлый раз отказал мне — и вот... Как видишь, результат.

Её руки затряслись, она судорожно вцепилась в край прилавка.

— Что тебе нужно? — еле слышно спросила она.

Я улыбнулась мягко, словно ничего не случилось.

— Всего лишь небольшая сделка, — сказала я спокойно. — Ты купишь у меня эти платья по справедливой цене, и мы забудем о всех неприятностях.

Сомнение проступило на её лице, но стоило мне поднять руку и очень нежно провести ею по прилавку, как она тут же нервно кивнула, не сводя с меня глаз.

— Хорошо... Я куплю их. Сколько ты хочешь?

— Десять золотых монет за каждое, — назвала я цену, зная, что это больше их реальной стоимости, но сейчас у ме-

ня был козырь. Не зря же я так долго оценивала витрины, быстро сравнила, а потом прикинула цену своих изделий.

Миссис Ольрис побледнела ещё больше, но, не споря, достала кошелёк и отсчитала нужную сумму, дрожащими руками протягивая мне деньги.

— Вот, забери и... и уходи, — пробормотала она.

Я приняла монеты и улыбнулась.

— Не так быстро, милочка, — я специально добавила это фамильярное выражение, показывая собственное превосходство над нею и совсем уж вжившись в роль могущественной ведьмы. — Есть ещё вот это!

Я достала из коробки перчатки и выложила их на стол. Нужно было действовать быстрее, пока инстинкты торгаша, которые несомненно обуревали миссис Ольрис, не победили суеверия, так же заложенные в ней матушкой-природой.

— Мешок муки, буханку хлеба, немного соли, сахара, кусок масла и сыра, вяленного мяса и во-от тот шикарный, свежий кусочек телятины с витрины, — перечислила я спокойно, глядя ей прямо в глаза. — И мешок для всего этого.

Она молча смотрела на меня, оценивая. Но мой взгляд был настолько уверенным, что сомнения на её лице медленно уступили место беспокойству. Я снова позволила себе лёгкую улыбку.

— Живо, миссис Ольрис. Или у вас есть желание узнать, как долго ваш магазин продержится под проклятием и насколько вы бессмертны? — добавила я, слегка наклонив го-

лову, чтобы усилить эффект.

Она сглотнула, её руки нервно дёрнулись, но она быстро кивнула, пытаясь скрыть свою растерянность. Затем, не говоря ни слова, развернулась и поспешила к полкам.

Я наблюдала, как она с явной суетой начала собирать всё, что я попросила. Сначала мешок муки — он тяжело плюхнулся на прилавок. Затем хлеб — ещё тёплый, с золотистой корочкой. За ним — небольшой мешочек с солью и такой же с сахаром. Последними на прилавке появились мясо, масло, завернутое в пергамент, и кусок сыра.

— Вот, — бросила она, всё ещё не глядя мне в глаза. — Забирай.

— А мешок? — спросила я, скрестив руки на груди.

Она тихо фыркнула, но покорно направилась в сторону склада, а через минуту вернулась с простым полотняным мешком.

Я аккуратно начала укладывать продукты в мешок, проверяя каждый предмет. Миссис Ольрис следила за мной, затаив дыхание, как будто боялась, что я совершу ещё какой-то "магический ритуал".

Когда всё было готово, я крепко затянула мешок, перекинула его через плечо и направилась к двери. На пороге я обернулась и холодно добавила:

— Сделка завершена. Надеюсь, нам больше не придётся выяснять, что случается, когда меня отказываются слушать.

Её лицо исказилось от смеси страха и возмущения, но она

промолчала. Я знала, что ударила точно в цель.

— Приятно иметь с вами дело, — добавила я издевательски, поворачиваясь к выходу. — И помните, миссис Ольрис, доброта всегда возвращается сторицей.

На улице я выпрямилась, с гордостью шагая вперёд с тяжёлым мешком за плечами. Каждая мышца болела, но я улыбалась. В конце концов, я сделала то, что должна была. У меня есть дети, а это значит, что я найду выход из любой ситуации.

Глава 9

Я торопилась домой, почти не глядя по сторонам, крепко прижимая к себе мешок с едой и туго завязанный платок с монетами. Пусть решение было временным, пусть это не могло продолжаться вечно, но, по крайней мере, сегодня у нас будет еда. И я найду способ, как обеспечить детей дальше.

Улицы начали казаться похожими друг на друга, и на мгновение мне показалось, что я заблудилась. Но, сделав несколько глубоких вдохов и вспомнив путь, я всё же нашла дорогу. Дом показался впереди, и на душе стало чуть легче. Ещё немного — и я снова увижу Теренса и Мадлен.

Кстати, о девочке! Как только разберусь с провизией, обязательно начну налаживать контакт с ней. Нельзя игнорировать её. Малышке нужна мать. Ох, я это наконец-то озвучила!

Как же мало мне времени понадобилось, чтобы присвоить в душе этих детей! Магия, да и только, но ощущала я их как своих. Родненьких! Драгоценных! Будто Элеонориными они стали по ошибке, а всегда были моими.

Я покачала головой. Странно! Необъяснимо! Но так есть!

Подойдя к двери, я постучала, стараясь не делать это слишком громко, чтобы не напугать детей. Через мгновение изнутри раздался тонкий, но тревожный голос Теренса:

— Кто там?

— Это я, Теренс, — быстро ответила я, стараясь, чтобы мой голос звучал успокаивающе.

За дверью послышалось движение, и через несколько секунд она распахнулась. Мальчик стоял на пороге, глядя на меня с явным облегчением. Но его взгляд тут же упал на большой мешок у меня за плечом, и глаза расширились от удивления.

— Мадам... это всё вы принесли? — его голос дрожал, и в нём смешались изумление и радость.

— Конечно, я, — улыбнулась я, осторожно проходя внутрь и ставя мешок на пол. Плечо слегка ныло от веса, но сейчас это не имело значения. У нас была провизия! Ура! Призрак голода отступил!

Теренс подбежал к мешку, осторожно касаясь его краёв, словно не веря, что это всё настоящее. Его пальцы нервно пробежались по грубой ткани, и он поднял на меня полный восхищения взгляд.

— Вы нашли еду... столько еды! — прошептал он. — Как... как вы это сделали?

Я присела рядом с ним, устало вздохнула, но всё же улыбнулась.

— Давай просто скажем, что у меня свои способы, — сказала я с лёгкой загадочностью, а затем, чуть наклонившись к нему, добавила шутливо: — Иногда быть взрослым имеет свои плюсы.

Мальчик фыркнул, но не смог сдержать широкой улыбки. Его глаза блестели от радости.

— Давай, помогай разгружать, — сказала я, поднимаясь. — У нас с тобой есть работа.

Мы с Теренсом перенесли мешок на кухню и начали разбирать продукты. Я крутилась по комнате, распределяя провизию по полкам и ящикам, чувствуя, как напряжение последних двух дней наконец-то ослабло. Буханка хлеба нашла своё место на столе, мешочек сахара аккуратно лёг рядом с солью, а масло и сыр отправились в прохладный угол кладовки. Всё было таким простым и обычным, но именно в этом я находила необычайное удовлетворение.

В какой-то момент, увлечённая распределением провизии, я услышала тихий всхлип. Замерев, я оглянулась. Теренс стоял у двери, прижимая к груди мешочек с мукой, и по его щекам катились слёзы.

Начавшаяся было паника быстро уступила место пониманию.

— Теренс, что случилось? — мягко спросила я, подходя к нему и присев на корточки, чтобы быть на одном уровне с его глазами.

Он вытер глаза ладонью, но новые слёзы тут же навернулись.

— Я... я просто давно не видел столько еды, — пробормотал он, чуть срываясь. — Спасибо вам, мадам... спасибо за всё.

Улыбнувшись, я осторожно протянула руки и, уже не колеблясь, обняла его. Он сначала застыл, будто не зная, как реагировать, но потом несмело обвил мою шею руками.

— Всё в порядке, — прошептала я, поглаживая его по спине. — Теперь так будет всегда. Я обещаю.

Когда он немного успокоился, я отпустила его, улыбнулась и добавила:

— Знаешь что, Теренс? Хватит с этой "мадам". Ты можешь называть меня Ясей, когда мы дома и рядом нет посторонних. Или даже ма...

Я не успела договорить. Из-за двери, словно вихрь, ворвалась Мадлен, и прежде чем я смогла что-либо понять, девочка обрушилась на меня с кулачками.

— Ты нам не мама! — кричала она, её лицо покраснело от гнева, а глаза были полны слёз. — Никогда не будешь!

Я растерянно замерла, абсолютно не ожидав нападения, пытаясь осмыслить её реакцию, но уже через секунду поняла, что передо мной — не просто злость. Это было горе. Глубокое, неподдельное, прорвавшееся наружу как буря.

— Ты... — рыдала она, продолжая бить меня в грудь своими маленькими кулачками. — Ты не мама!

— Мадлен... — тихо сказала я и, несмотря на сопротивление, обняла её крепко, чтобы она не могла вырваться. Она извивалась, но я держала её — аккуратно, но уверенно.

Постепенно её рыдания стали тише, а сопротивление ослабло. Девочка обмякла в моих руках, тихо икая, её слёзы

всё ещё катились по лицу.

— Я не твоя мама, это правда, — сказала я, глядя ей прямо в глаза. — И я никогда не смогу заменить её. Но знаешь что? Я могу быть той взрослой, на которую ты всегда сможешь положиться. Я буду рядом, чтобы помочь тебе. Всегда. Ты не одна.

Мадлен смотрела на меня, её заплаканное лицо чуть дрогнуло, а потом она снова разрыдалась — уже в моих руках, не пытаясь вырваться. А потом и вовсе уткнула своё личико в ту самую грудь, которую до этого била кулачками.

Я покачивала её, словно младенца, прижимая к себе, пока она не затихла.

Её дыхание стало ровным, и я поняла, что она уснула прямо в моих объятиях. Теренс молча стоял рядом, его лицо выражало смесь облегчения и удивления.

— Всё будет хорошо, — прошептала я, скорее себе, чем кому-то ещё. — Мы справимся. Вместе.

Я осторожно поднялась, всё ещё держа обмякшую Мадлен в руках. Её дыхание было ровным, но лицо оставалось чуть нахмуренным даже во сне, а на щеках виднелись влажные дорожки от слёз.

Крепче прижав её к себе, я направилась в ту комнату, где спали дети. Теренс шёл следом, словно боялся, что я внезапно исчезну вместе с сестрой.

Когда я уложила девочку в кровать и укрыла её одеялом, она шевельнулась, но не проснулась. Мягкие золоти-

стые кудряшки разметались по подушке. Я на мгновение задержалась, погладив её волосы, и выдохнула, пытаясь избавиться от напряжения, которое всё ещё бурлило внутри.

— Теренс, — тихо сказала я, обернувшись к мальчику, который стоял у двери. — Пригляди за сестрой, ладно? Если она проснётся, дай знать.

Он кивнул, его лицо было серьёзным, как всегда. С этим малышом можно было не волноваться — он всё сделает как надо. Улыбнувшись ему, я вернулась на кухню.

Эмоции от только что произошедшей сцены всё ещё плескались где-то внутри, напоминая, что мне теперь нужно не только держаться, но и поддерживать этих детей. Чтобы отвлечься и привести мысли в порядок, я решила заняться готовкой.

В первую очередь я нарезала мясо небольшими кубиками и слегка обжарила его на сковороде. Потом поставила воду для похлёбки, добавив туда щепотку соли и несколько кореньев, которые нашла в одном из пакетов, унесённых из лавки Ольрис. Конечно, был риск ошибиться, но я всё же считала, что это местный аналог картошки — и оказалась права. Вскоре на кухне начал распространяться аппетитный запах.

Следующим делом я занялась оладушками. Смешав муку, воду, немного соли и сахара, я замесила тесто. Крохотный кусочек масла зашипел на сковороде, когда я начала выкладывать ложкой небольшие порции. Золотистая корочка оладушек сияла, как маленькие солнечные диски. Пока я жари-

ла их, запах свежей еды наполнил дом, пробуждая в нём что-то давно забытое — уют и тепло.

Дверь на кухню тихо приоткрылась. Я услышала лёгкие шаги и, повернув голову, увидела Теренса. Следом, крадучись и не поднимая головы, вошла Мадлен. Она явно всё ещё была смущена, но запах еды безапелляционно манил её к столу.

Я улыбнулась детям и жестом пригласила их сесть.

— Садитесь, обед почти готов, — сказала я, переворачивая последний оладушек.

Теренс тут же занял место за столом, но Мадлен всё ещё переминалась с ноги на ногу. Её взгляд был направлен в пол, но голод, похоже, побеждал.

— Иди сюда, Мадлен, — мягко позвала я. — У нас есть тёплая похлёбка и оладушки.

Она тихо подошла и села рядом с братом, не поднимая головы. Я поставила перед каждым тарелку с похлёбкой, добавила по два оладушка и села напротив.

Но тут меня осенило: за всей этой суетой я совсем забыла попросить у миссис Ольрис чай. Да и в лавке, кажется, я его не видела.

— Теренс, — обратилась я к мальчику, раскладывая оладушки, — у нас есть чай?

Но, увидев недоумённый взгляд мальчика, пояснила:

— Напиток из листьев травы, который заваривают, чтобы получить ароматный вкусный настой?

На моё удивление, ответила не он, а Мадлен. Она тихо подняла голову, её голос звучал неуверенно, но слова были чёткими:

— У нас есть трава. На заднем дворе. Её все заваривают. Это похоже на описанный вами чай.

Я даже не успела ничего ответить, как она вдруг соскочила со своего места и побежала к двери.

— Мадлен! — позвал её Теренс, но девочка уже исчезла за порогом.

Я удивлённо посмотрела на Теренса, но он только пожал плечами.

— Она знает, где искать, — тихо сказал он.

Я улыбнулась, глядя на дверь. Что ж, посмотрим, какой "чай" у нас будет.

Через несколько минут Мадлен вернулась, держась за края своей юбки, в которых оказалась охапка какой-то зелёной травы. Девочка подошла к столу и аккуратно выложила добычу на деревянную доску.

— Вот, — коротко сказала она, вытирая руки о подол платья. — Это то, что мы завариваем. Сначала нужно промыть.

Она ловко схватила охапку травы и направилась к небольшому умывальнику, который стоял в углу кухни. Я только и могла, что наблюдать, как девочка старательно полоскала зелень в холодной воде, время от времени встряхивая её, чтобы убрать лишнюю влагу.

— И что дальше? — спросила я, стараясь звучать бодро.

Мадлен, не глядя на меня, будто бы объясняла самой себе, пробурчала:

— Просто положите в горячую воду. Немного, несколько стеблей. Настоится быстро.

Я кивнула и поставила на огонь чайник с водой. Когда она закипела, Мадлен подала мне пучок травы. Стебли были тонкими, с мелкими листочками, похожими на мяту, но с чуть более насыщенным зелёным оттенком.

Через пару минут на кухне разлился тонкий аромат — сладковатый, с ягодными нотками и лёгким древесным оттенком. Он напомнил мне запах малины, но с чем-то чуть более тёплым, домашним.

Когда я разлила настой по деревянным кружкам, он приобрёл светло-золотистый оттенок. Дуя на горячую жидкость, я поднесла чашку к губам и осторожно попробовала.

Вкус оказался удивительным. Сладковатый, с еле уловимой горчинкой, но без сахара. Горячая волна прошла по моему телу, приятно расслабляя мышцы, согревая до самых кончиков пальцев.

Ммммм… Превосходно. Понимаю, почему местные так его любят.

Я взяла две чашки и поставила на стол. А потом перенесла свою и села на стул.

Фух, что-то я устала сегодня. То ли переход так сказался и стресс, то ли сон за бумагами на столе, но ноги как-то совсем неожиданно налились тяжестью, а глаза помимо воли начали

опускаться.

Чтобы прогнать неожиданно накатившую дремоту, я ещё раз отпила из своей чашки и потянулась за оладушкой.

Но не попала… Рука совсем неожиданно отклонилась от курса и упёрлась в миску Теренса. Странно…

Мгновение нужно было мне, чтобы понять, что что-то не так. Тепло, которое я чувствовала, переросло в странное ощущение тяжести. Мои конечности становились ватными, тело будто переставало подчиняться. Я заморгала, пытаясь сосредоточиться, но всё вокруг поплыло. Зрение раздвоилось, голова закружилась.

— Что… что происходит? — выдохнула я, пытаясь подняться.

Но вместо этого меня резко повело в сторону. Ноги подогнулись, я рухнула на колени, крепко ухватившись за край стола, чтобы не упасть полностью.

— Ясмин! — испуганно крикнул Теренс, подскочив ко мне. Его руки поддержали меня, не давая свалиться окончательно.

Я подняла мутнеющий взгляд, пытаясь что-то сказать, но язык отказывался шевелиться. Перед глазами всё расплывалось, как в тумане. Единственное, что я смогла рассмотреть, — это Мадлен. Она спокойно сидела за столом, держа в руках оладушек, и безмятежно жевала, глядя прямо на меня.

Но её глаза… Их цвет был другим. Неестественный бордовый оттенок, будто налитый кровью, смотрел на меня с та-

ким интересом, что меня пронзил холод. У этого ребёнка были голубые глаза! Я отчётливо это помнила.

— Мадлен! — крикнул Теренс, его голос дрожал от паники. — Зачем ты это сделала?

Девочка спокойно повернула голову в его сторону, проглотила кусок оладушка и ответила грубым, неожиданно взрослым голосом:

— Если у неё остался дар, то она выживет. Если нет… Ну, это её проблема.

Мой мир закружился, звуки начали глушиться, превращаясь в далёкий гул. Последнее, что я увидела, был спокойный взгляд Мадлен, а потом всё погасло. Тьма окончательно поглотила меня.

Глава 10

Просыпалась я медленно, словно пробираясь сквозь густой туман. Тело казалось чужим — тяжёлым, разбитым, как после длительного гриппа. Каждая мышца ныла, а в голове гудело, будто в ней устроили марш оркестровые трубы. Я попыталась пошевелить рукой — и это далось мне с трудом. Даже дыхание давалось с трудом. Что уж говорить…

Где-то рядом я услышала тихий плач. Едва разлепив глаза, я сначала увидела потолок, а затем расплывающийся силуэт кого-то маленького. Постепенно зрение прояснилось. Надо мной, стиснув руки у лица, сидела Мадлен. Она тихо всхлипывала, светлые кудряшки спадали на её мокрые от слёз щёки.

Внутри меня поднялась волна страха. Память резко напомнила о том, что произошло до того, как я потеряла сознание: её бордовые глаза, странный голос… Я попыталась отшатнуться, но сил не хватило.

Мадлен, увидев, что я смотрю на неё, испуганно замахала руками:

— Это не я! Не я, правда! Я не подсыпала траву! Это он! — голос её дрогнул, а в глазах застыл ужас.

Голубых глазах!!!

— Кто он? — хрипло спросила я, с трудом шевеля пересохшими губами.

Мадлен замолчала, её взгляд метнулся куда-то за моё плечо. Тут же раздался голос Теренса — мягкий, но встревоженный:

— Он — это её дар, мадам… То есть, Ясмин.

Я медленно повернула голову и увидела мальчика, стоявшего в дверях. Его лицо было бледным, а глаза блестели от тревоги. Он сделал несколько шагов ко мне и продолжил:

— У Мадлен очень большой дар. Такой огромный, что она не может его контролировать. И из-за этого… — он замялся, подбирая слова, — из-за этого он как будто стал отдельной личностью. Иногда он просыпается и… берёт над ней верх. Но это бывает нечасто. Обычно он спит.

Я перевела взгляд обратно на девочку. Мадлен энергично закивала, вытирая ладошками слёзы, и пролепетала:

— Он спит, правда-правда. Просто… просто он не любит, когда его магия пропадает. Он… он злится. А ты пришла, и он проснулся.

— Злится? — спросила я, поражённая и сбитая с толку.

— Он не хочет, чтобы кто-то из девочек нашей семьи потерялся… — Мадлен замолчала, а потом добавила: — А мама его не послушалась и ушла. А потом пришла ты... Он сказал, что я не смогу дать ему ещё девочек, а ты должна. Только вот нужно знать, что тебе есть что передать. Вот он и заставил меня подсыпать тебе дёрн-траву. Обычным людям и даже магам он вредит, но мы его можем пить без последствий.

Такое объяснение бросило в жар и холод одновременно.

Я могла вот так просто помереть, потому что девочка не может контролировать свой дар. И если бы у меня не оказалось собственного... Боюсь даже представить, что будет, если этому дару захочется ещё что-то проверить.

Видать, эти сомнения отобразились на моём лице, потому что Мадлен снова запричитала, заламывая ручки:

— Но он заснул! Заснул, честно! — сказала она, заглядывая мне в лицо с отчаянием, будто боялась, что я не поверю.

Я молчала, стараясь переварить услышанное. Честно говоря, голова моя отказывалась воспринимать всё сразу. Как будто магии, голода и перевёрнутой с ног на голову жизни было недостаточно, и вселенная решила подкинуть ещё одну напасть: таинственный дар маленькой девочки, способный превращаться в отдельную сущность.

Теренс тихо, но решительно добавил:

— Мы даже маме не рассказывали. Она бы нас… Она бы нас бросила, если бы узнала. Маман не любила ничего, что пугало её.

Сердце болезненно сжалось в груди. Я встретила взгляд мальчика, полный грусти и неуверенности.

— Вы… — он сглотнул и опустил глаза. — Вы теперь тоже уйдёте, да? От нас?

Несколько минут я смотрела в эти глаза круглой сироты, а потом тяжело вздохнула.

Слёзы сами собой подступили к горлу. Я с трудом села, игнорируя боль в затёкших мышцах, и посмотрела на них обо-

их. Маленькая Мадлен, которая выглядела такой напуганной и одинокой, и Теренс, пытающийся быть сильным, хотя в его глазах светился страх. Эти дети прошли через столько ужасов, что их доверие казалось хрупким, словно тонкий лёд.

— Нет, — хрипло ответила я, смахивая подступившие слёзы. — Я не уйду.

Теренс поднял голову, его глаза расширились от удивления. Мадлен всё ещё смотрела на меня настороженно.

— Я не оставлю вас, — повторила я твёрже. — Обещаю. Я не мама, правда, и никогда не заменю её (и слава богу. Элеонора бы этих детей точно не пожалела). Но я могу быть той, на кого вы всегда сможете положиться. Я рядом. И я вам помогу.

С этими словами я протянула руку и осторожно обняла Мадлен. Она сначала дёрнулась, но я крепче прижала её к себе, обхватив худенькие плечики. Теренс тоже кинулся в мои объятия, не раздумывая, не дождавшись пригласительного знака. Так два тёплых тельца прижались ко мне, а я склонилась к их головкам, вдыхая приятный запах малышей.

Нет, Яся, как бы там ни было, это твои дети. И права бросать ты их не имеешь. Справляются же как-то женщины с инвалидностью своих детей. Не бросают.

Проходят все круги физического, бюрократического и морального ада, но остаются верными этим маленьким, беззащитным существам, что зависят только от мужества и подвига собственных матерей.

Вот и Мадлен такая же. Маленькая, беззащитная, с инвалидностью — но только магической.

Ты справишься, Яся! Главное — не отступай и, конечно же, люби этих малышей.

Смахнув набежавшие слёзы, ещё раз я погладила обоих по спинкам и только сейчас заметила бардак, творившийся в комнате.

— Ребята, — спросила я, оглядываясь по сторонам, — а что у нас случилось, пока я была без сознания?

Теренс дёрнулся, сжал маленькие кулачки и потупил взгляд. Мадлен же сидела, угрюмо кусая губу, как будто обдумывая, стоит ли отвечать. Наконец, мальчик заговорил:

— Приходила магическая стража, — сказал он, и в его голосе слышался страх. — Они пришли из-за… из-за долгов маман. По жалобе заимодавцев.

Я напряглась, чувствуя, как внутри всё сжимается.

— И что они сделали?

— Забрали всё, что могли, — пробормотала Мадлен, крепче обнимая свои коленки. — Сначала вещи, потом продукты. Даже мамины старые книги.

— Они хотели арестовать и маман тоже, — добавил Теренс, опустив голову. — Но так как вы были без сознания… они не смогли зачитать решение суда. Сказали, что скоро вернутся.

Я стиснула зубы, чувствуя, как холодеет внутри. Магическая стража, заимодавцы, долги… и всё это в таком доме,

где уже нечего было взять. Но больше всего меня напрягало другое.

— А что будет, если они вернутся? — осторожно спросила я.

Мадлен подняла голову, в её голубых глазах блестели слёзы.

— Они говорили про работный дом, — прошептала она.

— Работный дом? — повторила я. Понятия не имею, о чём они, но выражение лица Мадлен мне не понравилось. — Что это такое?

Теренс помрачнел ещё сильнее.

— Это ужасное место, — объяснил он. — Там люди работают с магической рудой. Её добывают и обрабатывают. Но она… она отравляет. Все, кто там работает, быстро заболевают и умирают.

Я содрогнулась. На ум почему-то пришли урановые рудники и каторга.

— Они сказали, что если маман не сможет заплатить, то нас отдадут в услужение одному из заимодавцев. На двадцать четыре года, — окончательно добил меня Теренс.

— Они хотят забрать вас? — поражённо спросила я, глядя на детей.

Мальчик медленно кивнул.

Хотя чего ты ожидала? Что о детях позаботится государство, пока ты будешь умирать на рудниках?

Но услужение не лучше.

На двадцать четыре года. Слова отдались гулом в моей голове. Это даже хуже, чем работный дом — рабство на всю жизнь.

В этот момент Теренс потянулся к столу и взял в руки конверт. Его пальцы слегка дрожали, когда он протянул его мне.

— Они оставили это, — тихо сказал он. — Сказали, что это решение суда.

Я взяла конверт, но едва мои пальцы коснулись его, как он рассыпался на мелкие кусочки, которые зависли в воздухе. Я резко отдёрнула руку, испуганно глядя на это зрелище.

— Что это? — выдохнула я.

— Маг-вестник, — пояснила Мадлен, всё ещё не поднимая головы. — Он рассказывает, что написано в решении.

Кусочки бумаги начали светиться мягким голубым светом, и из них раздался глубокий, безэмоциональный голос:

— Госпожа Элеонора Абигейл Кларенс. За задолженность в размере пятидесяти тысяч золотых вы приговариваетесь к семи годам работы в работном доме. Всё ваше имущество подлежит конфискации и идёт в счёт уплаты долгов. Дети, находящиеся под вашим попечением, переходят в услужение к заимодавцам. Приговор вступает в силу в течение двадцати четырёх часов, если задолженность не будет погашена или ваше финансовое положение не изменится.

С этими словами свет погас, а остатки конверта растворились в воздухе. Тишина накрыла комнату, тяжёлая, как оде-

яло из свинца.

— Они… — прошептала я, голос дрожал от гнева и ужаса. — Это ужасно!

Мадлен сжалась в комочек, а Теренс просто опустил голову, его плечи безвольно обвисли.

Что... Что же делать!

Мысли заскакали испуганным оленем из стороны в сторону. Хотелось броситься в спальню и пересчитать платья, чтобы понять, что я смогу за них выручить. Копейки, но, может, смогу договориться, хотя...

Чёрт! Платья забрали! Нужно перепроверить, но я просто уверена, что ничего не осталось.

А что если работа? Но где? Мне даже продавать продукты не хотели. Да и судя по указанной сумме, я и за сто лет не отработаю эти деньги. Думай, Яся, думай.

— Можно использовать дар, — вдруг тихо сказала Мадлен, врываясь в мои лихорадочные размышления. — Мама всегда говорила, что он поможет в безвыходной ситуации.

Глава 11

Сначала я даже слушать Мадлен не хотела. Всё происходящее напоминало кошмар, который не прекращался. Я обыскала дом, проверяя каждый угол, но ощущение безысходности только нарастало. Кажется, магическая стража забрала всё, что можно было унести. Даже оставшиеся пучки травы — те самые, из которых делали чай — исчезли. Полки пусты, шкафы тоже, как будто кто-то выскоблил их дочиста. Платья, аксессуары, даже книги — всё исчезло. Оставили только кровать, на которой я лежала, да ту одежду, что была на нас. Но почему-то мне казалось, что и это продержится недолго.

Ну хоть дневник я нашла на месте. Лежал сиротливо на полу посреди пустой комнаты. Видно, магия не позволила ни увидеть, ни забрать эту семейную "реликвию". И не только её...

Я проверила карманы и с облегчением обнаружила монеты, вырученные у миссис Ольрис. Видимо, они не решились обыскивать меня. Но этой жалкой суммы было явно недостаточно, чтобы покрыть долг. Всё, что я смогла сделать — это положить монеты обратно в карман и попытаться успокоить себя.

— Может, бежать? — пробормотала я себе под нос, но голос прозвучал настолько громко в гулкой пустоте, что я

сама испугалась.

— Нельзя, Ясмин, — отозвался Теренс, стоящий рядом. Его голос был тихим, но твёрдым. — Магия найдёт нас везде. Её невозможно обмануть.

Я посмотрела на него, пытаясь найти хоть тень надежды в его взгляде, но всё, что увидела — это ту же беспомощность, что и в своих мыслях.

У нас оставалось всего двадцать четыре часа. Теперь и того меньше.

От этой мысли всё внутри меня сжалось. В отчаянии я вновь обратилась к Мадлен.

— Ты говорила, что твой дар может помочь. — Я присела перед ней, пытаясь заглянуть ей в глаза. — Скажи, что ты имела в виду?

Мадлен посмотрела на брата. Теренс, словно получив безмолвный приказ, кивнул и вышел из комнаты. Я проводила его взглядом, чувствуя, как воздух вокруг нас стал почти осязаемым, будто от ожидания.

— Ты можешь приворожить богатого человека и выйти за него замуж, — сказала Мадлен неожиданно спокойным голосом.

Я замерла, глядя на неё в неверии. Такие слова от шестилетней девочки звучали дико.

— Что? — приподняла я бровь, пытаясь справиться с нахлынувшим удивлением. — Ты… ты это серьёзно?

Мадлен кивнула. Её голубые глаза были абсолютно ясны-

ми, без следа странного бордового цвета.

— Так мама говорила, — добавила она просто, пожимая плечами. — Что всегда можно найти богатого. Так она платила свои долги.

Меня словно окатило холодной водой. Элеонора. Конечно же, это её влияние. Эта женщина сделала из своей дочери инструмент для манипуляций, даже не задумываясь о том, что лишает её самого детства. И вот теперь это влияние проникло в мою жизнь.

— Мадлен… — я вздохнула, стараясь справиться с гневом и болью. — Ты понимаешь, что это не выход? Это… это не решение.

Девочка снова пожала плечами, её взгляд остался таким же равнодушным.

— Мама говорила, что это всегда работает. — Она замолчала, потом добавила тише: — Она всегда была права. Ну, почти всегда.

Я закрыла лицо руками, пытаясь собрать мысли. Надо было что-то делать. Но что? Каждое мгновение, казалось, ускользало, как песок сквозь пальцы, приближая нас к тому, что я не могла позволить.

— Ох!

Принципы и брезгливость боролись в душе с паникой и страхом. Думай, Яся, думай! Ты же умная, у тебя экономическое...

Но в голову лезли только картинки решётки, сырого под-

вала, крыс, кандалов...

А ещё плач двух маленьких детей.

Нет! Я не могу!

Не вижу ничего подходящего!

Я судорожно вдохнула. Нет! Я не могу допустить, чтобы с детьми так поступили.

Мне противно и жалко, но...

— Я... — начала я, но голос дрогнул. Наконец, собравшись с духом, я посмотрела на Мадлен. — Расскажи мне, как это работает. Твой дар. Всё, что ты знаешь.

Мадлен пристально посмотрела на меня, словно проверяя, серьёзно ли я это говорю, но потом кивнула. Её лицо оставалось бесстрастным, как будто она рассказывала о чём-то обыденном.

— Сначала нужен ритуал, — начала она спокойно. — Мы зовём его "прикосновение сердца". Это несложно. Нужно капнуть каплю крови в чашу с водой и произнести слова. Дар оживёт и будет готов помочь.

Я кивнула, чувствуя, как внутри всё переворачивается, но попыталась не выдать свои чувства.

— А что дальше? — спросила я, стараясь, чтобы голос звучал ровно.

— Дальше ты выбираешь мужчину. Как только определишься, что именно этого хочешь, Дар будет тянуть его к тебе. — Она замолчала на мгновение, затем продолжила с почти детской беспечностью: — Он не сможет сопротивляться.

Никто не может. И когда вы проведёте ночь вместе, магия сама закрепит ваш союз. Вы будете женаты.

Меня словно окатило кипятком. Ночь. Эти слова, сказанные шестилетней девочкой, прозвучали настолько спокойно и буднично, что у меня перехватило дыхание. Щёки вспыхнули, кровь бросилась к лицу.

— Мадлен! — вырвалось у меня, и я посмотрела на неё с неподдельным шоком. — Ты понимаешь, что ты только что сказала?

Она только пожала плечами, не моргнув и глазом.

— Так мама говорила. Она говорила, что это лучший способ. Быстрый и надёжный. Ничего страшного в том, чтобы поспать вместе в одной комнате с мальчиком. Мы вот с Теренсом постоянно спим вместе — и ничего. Так даже приятнее. Тепло и уютно. — Девочка с надеждой посмотрела мне в глаза, её взгляд был одновременно и детским, и взрослым. — Ты же не хочешь, чтобы нас увели в работный дом, да?

Я прикрыла глаза, стараясь привести мысли в порядок. Моё лицо горело, а сердце колотилось, как бешеное. Хорошо, что Мадлен ещё маленькая и совсем не понимает значение слов, сказанных когда-то матерью.

О, Боже, провести вместе ночь...

Даже если всё это правда… Даже если я готова смириться с этим ради детей… Это же противоречит всему, что я знала о жизни.

Но другого выхода не было.

— И… кто должен стать этим мужчиной? — спросила я осторожно, стараясь держать голос спокойным, хотя внутри всё клокотало.

— Это не важно, — ответила Мадлен просто. — Главное, чтобы он был богатым.

Я сглотнула, чувствуя, как от слов девочки внутри всё переворачивается. А ведь я знала, откуда у неё такое. Конечно, Элеонора. Только эта женщина могла оставить детям в наследство такие циничные мысли.

Но с воспитанием можно разобраться позже. А вот что делать с проблемой?

Мало того, что я должна переспать с незнакомцем. Я ещё и должна его найти, выследить и заставить себя возжелать.

Ужас да и только!

При этом всём времени смириться с этой мыслью, както морально подготовиться — вообще нет. У меня меньше суток на всё про всё.

Я сглотнула, пытаясь переварить всё, что только что свалилось на меня. В голове шумело, словно мысли стучались друг о друга, как волны о камни. Их было очень трудно собрать вместе и заставить сложиться хоть в какую-то логическую цепочку.

Но всё же парочка здравых вопросов всё же вынырнула из этого первобытного хаоса.

— А… — начала я, чувствуя, что горло пересохло. — Если я воспользуюсь этим даром, что… что будет потом? Я не

стану, ну… такой же, как ваша мама? С её последствиями?

Мадлен немного нахмурилась, будто вопрос поставил её в тупик, но потом покачала головой.

— Нет, — сказала она уверенно. — Дар уже проверил тебя. Если бы что-то было не так, он бы не позволил провести ритуал. Ты… ты в порядке. Он тебя принял, и у тебя есть две попытки.

Ну спасибо! Мне бы с одной "пыткой" разобраться. Но ребёнку претензии я предъявлять не стала, а просто продолжила катиться по дорожке разврата на самое дно.

— И что? — спросила я, хоть мне было неприятно произносить это вслух. — Есть подходящие мужчины в этом… селении?

Мадлен покачала головой так уверенно, как будто говорила о чём-то элементарном.

— Нет. Здесь все знают Маман. Они… не подходят. Она собиралась поехать в соседний город. Он в восьми милях отсюда. Крупный. Там много людей, нас там почти никто не знает.

— Соседний город, — повторила я тихо, пытаясь унять подступающее ощущение паники.

Как похоже на Элеонору — сбежать от проблем, сверкая пятками.

Конечно, она собиралась оставить всё это позади и отправиться за новой жертвой. И, конечно, теперь мне предстояло сделать то, чего я не представляла в самом страшном сне.

Сжав кулаки, я опустила взгляд, стараясь проглотить ощущение гадливости. Не думай об этом, старайся сфокусироваться на результате. Отключи эмоции! Иди к цели! Потом наплачешься. Сейчас главное — выжить.

— Хорошо, — сказала я, сама себе удивляясь. Мой голос звучал ровно и уверенно. — Если другого выхода нет, то мы попробуем.

— Ты… ты правда сделаешь это? — спросила Мадлен, затаив дыхание. Она смотрела на меня широко распахнутыми глазами, в которых читалась странная смесь удивления и облегчения.

— Да, — сказала я твёрдо, хотя внутренне мне хотелось закричать. — Но только потому, что у нас нет другого выбора.

Мадлен кивнула, её лицо стало серьёзным, слишком серьёзным для шестилетнего ребёнка. Её губы сжались, и она тихо добавила:

— Мама не смогла сделать всё как надо. Но ты сможешь. Ты должна.

Слова резанули меня, как нож, но я промолчала. Не было смысла спорить с этим ребёнком, чья жизнь уже была так изломана, что она воспринимала такие вещи как норму.

— Расскажи мне всё, что нужно сделать, — сказала я, в который раз, пытаясь, сосредоточиться на действиях, а не на их значении.

Я затолкала глубже свои страхи и сомнения, чтобы оста-

вить место только для одной мысли: я сделаю это ради детей.

Глава 12

Никогда в жизни мне не приходилось ловить попутку в средневековых реалиях, но, как говорится, всё бывает впервые. Вынужденная реальность заставляла забыть о стеснении и гордости.

Собрать детей оказалось делом простым: кроме одежды, что была на нас, у нас больше ничего не осталось. Никаких узелков, никаких запасов. Всё, что мне нужно было сделать — это вздохнуть, взять Мадлен за руку, Теренса за плечо и вытолкнуть себя за порог этого пустого дома.

— Мы точно сможем выйти на тракт? — спросила я у мальчика, стараясь не показать, насколько нервничала.

Теренс кивнул, его маленькое лицо оставалось спокойным, как будто он давно привык к таким ситуациям.

— Это недалеко, мадам… То есть Ясмин. Там часто проезжают телеги.

И он оказался прав. Мы дошли до тракта меньше чем за полчаса, даже несмотря на то, что Мадлен пару раз начала хныкать, — усталость давала о себе знать. Ноги тянули её назад, но она держалась крепко, словно чувствовала, что назад дороги нет.

На тракте мы устроились у края дороги, надеясь на удачу. Солнечные лучи жарко припекали, а пыль от проходящих караванов, которых, кстати, было гораздо меньше, чем хоте-

лось бы, оседала на одежде и коже.

Я стояла с прижатыми к груди руками, напряжённо оглядывая горизонт. Теренс, с таким серьёзным видом, что его было жаль, поднял руку, когда на дороге показалась телега. Крестьянин — седой, в простой, но чистой и аккуратной одежде — погонял лошадь. Его телега была нагружена сеном, и он явно ехал куда-то далеко.

— Эй! — крикнула я, подняв руку, и стараясь выглядеть как можно более вежливой и приличной. — Могу ли я попросить вас о помощи?

Мужчина натянул вожжи, остановив телегу. Он посмотрел на нас, задержав взгляд на моём чёрном платье.

— Вдова? — спросил он тихо, без насмешки, скорее с уважением.

— Да, — подтвердила я, кивая. — И я ищу способ добраться до города. Мы с детьми… — Я быстро взглянула на ребят, чтобы подчеркнуть свою ситуацию. — Это не займёт много времени.

Крестьянин почесал седую бороду, потом кивнул.

— Забирайтесь. Место есть.

Мы сели в телегу, устроившись среди душистого сена. Крестьянин не задавал лишних вопросов, а я, признаться, не стремилась к разговору, размышляя о своих дальнейших действиях. Дорога оказалась хорошей, так что мы доехали быстро.

Город был большим, намного больше нашего селения. Вы-

сокие каменные стены окружали его, защищая от внешних угроз. У ворот стояли стражники в зелёных накидках поверх доспехов, с длинными ружьями.

Стражу мы прошли быстро и без лишних вопросов, хотя у меня по спине холодный пот побежал. Но стражники на нас с детьми даже не взглянули, спокойно пропустив. А за ними открывался шумный, пёстрый мир: рыночные площади, пахнущие специями и свежим хлебом, узкие улочки с двухэтажными домами, лавки с яркими вывесками, глашатаи, кричащие о новостях.

Мы медленно продвигались через улицы. Люди здесь были разными: богатые дамы в шляпках, слуги с корзинами, торговцы, зазывающие покупателей. Но главное — никто не обращал на нас особого внимания. Это место было идеальным для того, чтобы затеряться. Или кого-то найти. Помимо воли, мои глаза начали выхватывать из толпы хорошо одетых мужчин.

Кто же из них? Вот этот высокий, представительный господин с седыми бакенбардами? Или вот тот полный коротышка со слугой? Или этот...

— Куда вам? — спросил крестьянин, повернувшись ко мне.

— А куда вы? — уточнила я, отвлекаясь от рассматривания потенциальной жертвы.

— На постоялый двор, недалеко от рынка, — ответил он.

Я кивнула, решив, что это лучший вариант.

— Нам, пожалуй, туда же, — ответила я и отвернулась, чтобы крестьянин не начал ненужные расспросы.

Постоялый двор оказался чистым, с крепкой деревянной крышей и большой вывеской. Внутри пахло сдобой и травами, в углу дымилась жаровня. Платить за проживание пришлось, но цена была разумной.

В комнате я усадила детей на кровать, раскладывая им еду, купленную на рынке. Тёплый хлеб и сыр вызвали улыбки на их уставших лицах. Сердце моё сжалось от облегчения. Они не должны знать, насколько я нервничаю.

Теренс задумчиво посмотрел на меня.

— Вы правда собираетесь выйти за богатого?

Я отвела глаза, сделав вид, что рассматриваю деревянный пол.

— Мы найдём способ, — ответила я, больше для себя, чем для него.

— Вам страшно? — продолжил он.

— Да, — призналась я, стараясь не встречаться с его взглядом.

Но сейчас не время показывать страх. Время уходит, а у нас есть лишь один шанс.

— Мадлен, — обратилась я к девочке, ломая всю сложившуюся веками систему одной фразой. — Пожалуйста, присмотри за братом. Я вернусь… скоро.

Она кивнула, явно понимая больше, чем должна была. Но уж как есть.

Сердце сжалось, но я отвернулась, чтобы этого никто не заметил. Время действовать.

Пора!

Я вышла и заперла дверь комнаты, аккуратно подсунув ключ под дверь. Тот тут же исчез — видать, Теренс поднял его.

— Никому не открывай, кроме меня, — сказала я твёрдо. — Если кто-то будет стучать, не отвечай. Понял?

— Да, Ясмин. Мы будем ждать вас, — произнёс он тихо.

Я кивнула, хоть он меня и не мог увидеть, и направилась к выходу из таверны.

На улице всё кипело жизнью. Люди спешили по своим делам, торговцы выкрикивали свои предложения, запахи еды и дыма перемешивались в воздухе. Но мне нужно было сосредоточиться. Куда идти? В богатый квартал? Искать удачу среди господ в костюмах и цилиндрах?

— Нет, — прошептала я себе, качая головой. Настоящие деньги водятся не в домах или за ужинами, а там, где решают судьбы состояний.

Моё решение пришло неожиданно, и вместе с ним — уверенность. Я подошла к мужчине, читающему газету у фонарного столба. Он выглядел респектабельно: шляпа, аккуратный костюм, ботинки, начищенные до блеска. Он даже не заметил меня, увлечённый статьёй.

— Простите, — начала я, стараясь звучать как можно вежливее. — Не могли бы вы подсказать, где здесь находится

банк?

Мужчина слегка вздрогнул, оторвав взгляд от газеты, и посмотрел на меня с лёгким удивлением, которое сменилось заинтересованностью. Затем, оценив мой вдовий наряд, видимо, решил, что я не самый удачный объект для ухаживания.

— Банк? — переспросил он. — Вам нужен центральный или торговый?

— Центральный, — быстро ответила я, хотя понятия не имела, в чём разница. Звучало солиднее.

Он слегка кивнул и указал рукой в сторону одной из главных улиц.

— Идите прямо, мимо площади с фонтаном. Там будет большое здание с колоннами. Не ошибётесь.

— Спасибо, — сказала я, даря ему лёгкую благодарственную улыбку, прежде чем продолжить свой путь.

Площадь с фонтаном оказалась оживлённым местом: дети бегали вокруг струй воды, торговцы предлагали свои товары на переносных прилавках, музыкант на скрипке играл что-то весёлое. Но я едва замечала это, сосредоточившись на своей цели.

Банк действительно оказался внушительным зданием. Высокие колонны поддерживали массивный фасад, над которым золотыми буквами было выведено название учреждения. Двери из тяжёлого тёмного дерева выглядели настолько монументально, что у меня на мгновение возникло желание

развернуться и уйти.

— Нет, — пробормотала я себе. — Ты должна.

Я собралась с духом и, поправив платье, села на ближайшую скамейку напротив банка. Отсюда открывался отличный вид на всё, что происходило у входа. Мне нужно было время, чтобы осмотреться и решить, кто из посетителей подходит для моего… плана.

Толпа у банка была пёстрой. Простые обыватели шли за своими нуждами, торговцы, поднимаясь по высоким ступеням, несли кожаные сумки и бумаги. Меня же интересовали только те, кто мог быть достаточно состоятельным, чтобы решить мои проблемы одним росчерком пера.

Первый кандидат появился почти сразу. Высокий мужчина в дорогом плаще с серебряными пуговицами. Его жесты были размеренными, а взгляд — уверенным. Коротко остриженные волосы подчёркивали аккуратность, а лицо говорило о человеке, привыкшем к власти. Он разговаривал с каким-то чиновником, стоящим у дверей, и их обмен репликами выглядел таким, будто они договаривались о чём-то важном.

«Слишком закрыт», — подумала я, наблюдая, как он быстро исчезает за дверями банка. Такой человек, скорее всего, никогда бы не обратил внимания на незнакомую женщину. Он, кажется, жил в мире договоров и расписок, а мне нужен кто-то, кого можно хотя бы заинтересовать.

Следующим был низенький, слегка полноватый мужчина

в золотых очках. Он выглядел как человек, у которого деньги буквально текли сквозь пальцы. Его кольца на каждом пальце блестели в лучах солнца, а в руках он держал толстую папку с документами. Время от времени он кидал взгляд по сторонам, словно искал что-то или кого-то. Возможно, такого человека было бы легко убедить... или обмануть. Но внутренний голос подсказывал, что этот человек слишком мелочен.

Я всё же замуж собираюсь. Хоть и ненадолго...

Я продолжала смотреть, перебирая варианты, пока внимание не привлёк высокий седовласый мужчина. Его походка, даже в толпе, была наполнена достоинством. Он шёл медленно, словно оценивая пространство вокруг. Его лицо с резкими чертами казалось суровым, но взгляд был умным и глубоким. Он держал трость, хотя двигался без её помощи — скорее всего, это был аксессуар, подчёркивающий его статус. Такой человек мог обладать тем, что мне нужно, — деньгами, властью и, что немаловажно, вниманием к интересным персонам.

Конечно, мне было его жаль, но... Дети! Мои дети и собственная жизнь, проведённая в заключении.

Пусть я эгоистка, но на этой чаше весов выбираю свою семью и себя. Прости! Надеюсь, ты не женат.

«Пора», — подумала я, уже собираясь действовать, как вдруг мои мысли прервал шум.

Глава 13

Я обернулась на звук и заметила, как у ступеней банка разыгрывалась безобразная сцена.

По дороге к банку шёл высокий, красивый, дорого одетый молодой человек. Его походка была лёгкой и уверенной, а взгляд — полон веры в себя, любимого. Своим дорогим костюмом, идеально сидящим на стройной фигуре, он выделялся на фоне остальных, словно актёр на сцене среди тусклых декораций. За ним, словно тень, спешила девушка. Она была потрясающе красива: нежное, словно фарфоровое лицо, большие голубые глаза, блестящие от слёз, и длинные светлые волосы, которые трепал ветер. Она выглядела как ангел, спустившийся с небес, но сейчас её лицо искажало отчаяние.

— Прошу тебя, остановись! — её голос прозвучал громко, привлекая внимание прохожих. — Пожалуйста, выслушай меня!

Молодой человек обернулся на секунду, его губы сжались в тонкую линию, и он прибавил шаг. Девушка, заламывая руки, бросилась за ним.

Сердце у меня ёкнуло. В её заплаканных глазах было что-то болезненно знакомое. Её ангельская внешность напомнила мне… Мадлен. Только её взрослую копию. Те же светлые волосы, те же голубые глаза, только полные слёз.

Девушка догнала молодого человека и ухватила его за рукав.

— Пожалуйста, не бросай меня так! — её голос дрожал, в нём звучала такая мольба, что у меня внутри всё перевернулось. — Давай поговорим. Мы всё можем решить. Я… я всё сделаю, как ты хочешь, только не отворачивайся!!!

Молодой человек остановился, но повернулся к ней с таким раздражением, будто его отвлекли от чего-то крайне важного. Он что-то сказал ей, но слишком тихо, чтобы я могла разобрать. Девушка, казалось, замерла, сжав руки на груди, и смотрела на него, словно он — её последняя надежда.

Затем она, набравшись храбрости, протянула руку и попыталась прикоснуться к его плечу. Молодой человек грубо перехватил её руку и резко оттолкнул, будто отмахиваясь от назойливой мухи.

— Нет! — его голос был громче, и я уловила несколько слов: «Мне всё равно… мои миллионы... ты не...».

После этого он откинул её руку, словно она была пустым местом, и развернулся. Быстро поднявшись по ступеням, он исчез за массивными дверями банка, оставив девушку стоять на месте, будто громом поражённую.

Красавица некоторое время просто смотрела перед собой, а потом медленно повернулась и побрела прочь. Её плечи были опущены, волосы скрывали часть лица, но её потухший взгляд, полный отчаяния, невозможно было не заметить.

Я проводила её взглядом. Сердце сжалось от жалости, но

в тот же момент я почувствовала решимость. Всё стало ясно. Вот он. Вот мой шанс. Молодой, богатый, эгоистичный и, судя по всему, бездушный.

"Это он", — подумала я, поднимаясь с места. Этот человек не заслуживал жалости. Его миллионы, его самодовольный вид, его презрение к другим — всё в нём говорило, что он — идеальная цель. Человек, который никогда не догадается, что его выбрали, пока не будет слишком поздно.

Я сжала кулаки, подавив волнение.

"Ну что ж", — сказала я себе. — "Сегодня, похоже, я сделаю целых два добрых дела. Спасу двух сирот от рабства и одну глупышку — от зависимости и нездоровой любви к этому нарциссу".

Я поднялась и, не давая себе времени на раздумья, уверенно направилась к банку. В голове бурлило множество мыслей, но я заставляла себя сосредоточиться на главном. Это он. Моя цель. Теперь всё, что мне оставалось — это сделать первый шаг.

"Я выбираю его!" — внутренне обратилась к дару, надеясь, что он меня поймёт и сработает как надо. По крайней мере, Мадлен убеждала меня, что будет именно так. Посмотрим.

Здание банка оказалось ещё более впечатляющим внутри, чем снаружи. Полы из полированного мрамора отражали свет, струящийся из больших окон. Мощные колонны поддерживали высокий потолок, украшенный резьбой. Воздух

был прохладным и свежим, с лёгким ароматом полироля. Всё здесь буквально кричало о деньгах и их власти.

Я огляделась, стараясь не выделяться. Богатые клиенты, одетые с иголочки, прохаживались по залу или вели беседы вполголоса. За массивными стойками служащие банка в чёрных костюмах и белых рубашках суетливо работали, стараясь угодить. Я почувствовала, как на мгновение сердце подпрыгнуло к горлу от страха. Я была здесь чужой. Но именно это давало мне свободу.

Прошмыгнув тихой тенью за одну из колонн, я незаметно огляделась в поисках своей жертвы. Наконец, взгляд остановился на нём. Молодой человек сидел на одном из мягких стульев в центре зала. Его шляпа и трость лежали у него на колене, а сам он развалился в кресле, будто весь мир принадлежал ему. На лице читалась скука — как у человека, который вынужден тратить время на что-то крайне незначительное.

Перед ним стоял менеджер банка — мужчина лет сорока, с прилизанными волосами и раболепной улыбкой. Он что-то говорил, обильно жестикулируя, но молодой человек явно не слушал. Его взгляд скользил по залу, не задерживаясь ни на чём. В конце концов он милостиво кивнул, и менеджер, сияя, словно от удара молнии, протянул ему какие-то бумаги.

Молодой человек лениво взял перо, слегка приподнял бровь, будто ещё раз показывая своё превосходство, и подписал документ, не удостоив его даже беглого взгляда. Ме-

неджер чуть не подпрыгнул от радости и тут же забрал бумаги, отступив назад, словно освобождая личное пространство этому "королю".

Я прижалась спиной к колонне, пытаясь собраться. Чувство внутренней неприязни к этому человеку усиливалось с каждой секундой. Но я заставила себя дышать глубже, прогоняя эмоции.

— Это ради детей, — прошептала я себе. — Ради детей и ради выживания.

Подняв голову, я выпрямилась. Пора. Сначала нужно привлечь его внимание. А потом, если повезёт, магия сделает так, чтобы он захотел узнать обо мне больше. Я улыбнулась самой себе. Это был мой шанс.

"Действуй, Яся", — напомнила я себе, выходя из тени колонны.

Медленно, с той самой уверенностью, которая мне была не свойственна, я направилась к нему, словно он был старым знакомым, которого я случайно встретила.

Что ему сказать — я ещё не придумала, но искренне надеялась, что магия мне поможет. Хоть какая-то прибыль от этого дара должна быть?

Я преодолела половину пути, стараясь не смотреть по сторонам, чтобы не потерять решимости.

Но мои планы нарушил банковский служащий. Вежливый и настойчивый, он оказался у меня на пути, чуть ли не перекрыв проход.

— Добрый день, мадам. — Он слегка поклонился. — Чем могу быть полезен? Какие дела привели вас в наш банк?

Я замерла, чувствуя, как паника поднимается где-то в груди. Этого я явно не предвидела.

«Чёрт, что ответить?» Мой разум лихорадочно искал подходящую отговорку.

— Я… — начала я, но тут же осеклась. Не теряй самообладания, Яся. — Мне нужно обсудить… кое-какие финансовые вопросы. — Я добавила уверенности в голос, а затем, как по наитию, выдала: — Планирую перевести средства между счетами. Возможно, оформить долгосрочные вложения.

Служащий удивлённо приподнял брови, но быстро взял себя в руки.

— Разумеется, мадам. Но, возможно, вам стоит обратиться к нашим специалистам в личном кабинете? — спросил он, слегка наклоняя голову.

Его цепкий взгляд был явно направлен на то, чтобы понять, кто я и с чем пришла. Проблемы только усугубились. В горле пересохло, а сердце начинало биться неровно. Что-то было не так.

В глазах темнело, звук голосов стал приглушённым, как будто я нырнула в воду. Ноги подкосились, и я почувствовала, как начинаю падать.

Но не упала. Вместо этого меня подхватили крепкие руки, и незнакомый, низкий, но странно мягкий голос сказал:

— Дама со мной.

Банковский служащий тут же расплылся в вежливой улыбке и, ответив: "Конечно, мистер Монтгомери," в секунду ретировался, оставив меня в этих сильных руках. Но я была слишком дезориентирована, чтобы понять, что произошло. Сердце металось, как птица, пойманная в клетке, а голова кружилась.

— С вами всё хорошо? — голос звучал одновременно заботливо и внимательно.

Меня начало отпускать, и я подняла глаза, встретившись с его взглядом. Тот самый мужчина, которого я выбрала. Вблизи он выглядел ещё красивее. Черты лица были изящно резкими, словно высеченные из мрамора, а тёмные глаза изучали меня с лёгкой тревогой. Его высокомерие, казалось, уступило место искреннему интересу.

— Я… — выдавила я из себя, чувствуя, как к щекам приливает кровь. — Мне плохо. Кажется, голова закружилась.

Его руки оставались на моих плечах, надёжно удерживая. Он мягко улыбнулся, но в этой улыбке не было насмешки.

— Это очевидно, — сказал он. — Вам лучше сесть. Вы уверены, что это не что-то серьёзное?

Я кивнула, хотя была уверена, что выгляжу сейчас ужасно. Глубоко вдохнув, я сказала:

— Нет, всё в порядке. Просто… усталость.

— Давайте, я вас провожу, — предложил он. — Здесь неподалёку есть зал ожидания, там вам дадут воды.

Я только кивнула, позволяя ему взять ситуацию под кон-

троль. Всё шло не так, как я ожидала, но это был шанс. Возможно, даже лучше, чем я рассчитывала.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.